

УЧРЕДИТЕЛЬ:

Издательская группа «Юрист»

И. О. ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

Белых-Силаев Д.В.

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

Полковников Р.М.

ПОМОЩНИКИ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

Аляутдинов Д.Р., Кривченко А.В., Ланцов Д.Е.,
Укружский В.Ю., Фролов В.А.

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Балашов Н.М., к.ю.н., проф. ВУМО РФ, заслуженный юрист России

Бурыка Д.А., к.ю.н., доцент МОСУ МВД России

Велихов В.Б., д.ю.н., проф.

Георгадзе М.С., д.псх.н.

Германов Г.Н., д.п.н., проф.

Гурьянов Ю.Н., д.псх.н., проф.

Дмитриев И.В., к.псх.н.

Дворянчиков Н.В., к.псх.н.;

Дозорцева Е.Г., д.псх.н., проф.

Зинченко Ю.П., д.псх.н., декан факультета психологии

МГУ им. М.В. Ломоносова

Иванков Ч.Т., д.п.н., проф. МГПУ

Караяни А.Г., д.псх.н., зав. каф. ВУ МО РФ

Кекелидзе З.И., зам. директора Государственного научного центра

социальной и судебной психиатрии им. В.П. Сербского

Ковалев О.Г., д.ю.н., проф.

Кокурин А.В., к.псх.н., доц.

Котенев И.О., к.псх.н., доцент, начальник кафедры психологии, педагогики

и организации работы с кадрами Академии управления МВД России

Маликов С.В., д.ю.н.

Марченков В.И., д.п.н., проф.

Можгинский Ю.Б., д.м.н.

Невара А.А., доцент РГСУ

Пашин С.А., к.ю.н., проф. МИЭПП, федеральный судья в отставке

Пахомов С.Н., к.ю.н.

Попов Д.Г., к.п.н.

Простяков В.В., доцент кафедры юридической психологии

Московского университета МВД России, полковник милиции

Родионов В.А., д.п.н., проф.

Сафуанов Ф.С., д.псх.н., профессор, руководитель лаборатории

судебной психологии Государственного научного центра социальной

и судебной психиатрии им. В.П. Сербского

Селиверстов В.И., д.ю.н., проф.

Столяренко А.М., д.псх.н., проф., заслуженный работник высшей школы

Супрун В.Н., доцент Московского университета МВД России, полковник

Холодный Ю.И., д.ю.н., проф. МГПУ им. Ю.И. Баумана

Центров Е.Е., д.ю.н., проф.

Эминов В.Э., д.ю.н., проф.

Шахиджанян В.В., д.псх.н., проф. МГУ им. М.В. Ломоносова

Шишков С.Н., к.ю.н.

Яковлев В.Ф., д.м.н.

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР ИГ «ЮРИСТ»

Гриб В.В.

РЕДАКЦИЯ

Бочарова М.А., Калинина Е.С., Платонова О.Ф.

115035, г. Москва, ул. Космодамианская наб., д. 26/55, стр. 7.

Тел.: (495) 953-91-08

E-mail: avtor@lawinfo.ru

Плата с авторов за публикацию статей не взимается.

ЦЕНТР РЕДАКЦИОННОЙ ПОДПИСКИ:

Тел./ф.: (495) 617-18-88 (многоканальный)

Подписные индексы: «Роспечать» – 20626; «Почта России» – 12779

ISSN 2071-1204

СОДЕРЖАНИЕ НОМЕРА

ИСТОРИЯ ЮРИДИЧЕСКОЙ ПСИХОЛОГИИ

Осколкова С.Н. Вопросы психологии в трудах
В.П. Сербского 2

ПРОБЛЕМЫ ДЕТЕКЦИИ ЛЖИ

Дупак А.А. Особенности визуальной психодиагностики
ложных сообщений сотрудниками
пограничного контроля 8

Иванов Р.С. Организационно-методические основы
судебно-психофизиологической экспертизы
с применением полиграфа 13

Мырин А.В. Проблема лжи в психологии 19

ПРОБЛЕМЫ ПЕНИТЕНЦИАРНОЙ ПСИХОЛОГИИ

Кокурин А.В., Овчарова Е.В. Направления оптимизации
психологического сопровождения сотрудников
подразделений охраны ФСИН России 23

ПРОБЛЕМЫ КРИМИНАЛЬНОЙ ПСИХОЛОГИИ

Собольников В.В. Ценность права как мотив
правопослушного поведения сотрудников
правоохранительных органов 26

ПРОБЛЕМЫ ВОЕННОЙ ПСИХОЛОГИИ

Гуляев В.Н., Воронин Д.В. Оптимизация технологических
подходов к обучению курсантов военных вузов 29

Поляков С.А. Сплоченность коллектива
как критерий социально-психологической оценки
профессиональной деятельности 32

Белых-Силаев Д.В., Ивашин А.Г., Ланцов Д.Е.
Акцентуации характера и подходы
к их классификации 34

Уважаемые авторы, просим вас направлять статьи на
электронный адрес редакции журнала «Юридическая
психология»: 89175680628@rambler.ru

Журнал рекомендован Высшей аттестационной комисси-
ей Министерства образования и науки Российской Федерации
для публикации основных результатов диссертаций на соискан-
ие ученой степени доктора наук.

Отпечатано в типографии «Национальная полиграфическая группа»

Тел.: (4842) 70-03-37

Тираж: 2000 экз.

Цена свободная

Номер подписан 05.04.2013 г.

ВОПРОСЫ ПСИХОЛОГИИ В ТРУДАХ В.П. СЕРБСКОГО*

Осколкова Софья Натановна,
 ведущий научный сотрудник ГНЦ ССП
 им. В.П. Сербского, доктор медицинских наук, профессор
 г. Москва, Кропоткинский пер., д. 23
 denis-s1982@list.ru

Статья посвящена воззрениям выдающегося отечественного психиатра В.П. Сербского, касающимся вопросов психологии, которыми он активно интересовался в соотнесении с психиатрией (в том числе судебной) и правом. В 1-й части отражено отношение ученого преимущественно к общей и социальной психологии. Во 2-й части приведены сопоставления выводов В.П. Сербского с современными позициями по выделенным им аспектам личности преступника, понятия дегенерации, возможностям их изучения.

Ключевые слова: В.П. Сербский, психиатрия, психология.

The article is devoted to the ideas of outstanding Russian psychiatrist V.P. Serbskiy, regarding the questions of psychology, in which he was actively interested, compared with psychiatry (including forensic) and law. First part reflect the attitude of the scientist to general and social psychology. In the second part the comparison of V.P. Serbskiy conclusions with modern position on the aspects of criminal personality highlighted by him are shown as well as the definition of degeneration, the possibilities of their study.

Key words: V.P. Serbskiy, psychiatry, psychology.

Конец XIX и начало XX столетия связаны с интенсивным развитием психологии, психиатрии и ряда правовых дисциплин (в первую очередь уголовного права). Среди ученых, внесших наибольший вклад в эти науки в тот период, были В.М. Бехтерев, С.С. Корсаков, В.П. Сербский и юрист А.Ф. Кони. В результате активной разработки указанных дисциплин обогатилась каждая из них и сформировалась юридическая (судебная) психология.

Целью статьи является анализ трудов В.П. Сербского, связанных с общей, клинической и юридической психологией. Необходимо отметить, что вопросы психологии присутствуют в большинстве его работ, в разных аспектах. Метод выделения таких фрагментов и комментария к ним и использован в данной работе.

Представляется весьма примечательным, что В.П. Сербский подчеркивал наибольшую уязвимость при «притуплении» чувств при психических расстройствах (шизофрении, алкоголизме и др.) именно высших проявлений духовной организации — нравственности, нечувствительности к страданиям близких и т.д., т.е. наиболее «высоких» уровней личности.

Как показывает современная психиатрия, фабула бредовых идей претерпевала за 100 лет разные изменения — в зависимости от социально-исторического фактора, причем именно через 100 лет (в последние десятилетия) бред «влияния» — воздействия при колдовстве, действия нечистой силы — участвовал. Во времена В.П. Сербского такая фабула связывалась с малообразованностью, суеверностью людей. В настоящее время это возможно и при хорошем уровне образования, что объясняется

учащением мистической ориентации мировоззрения. Относительно нередки и бредовые построения, содержащие болезненную убежденность в «подопытности» при исследовании технических средств. Это в свою очередь и 100 лет назад, и в наше время объяснимо развитием научно-технического прогресса и появлением новых технических средств, непонятных неспециалистам.

В.П. Сербский справедливо отмечал значительные изменения личности (ее волевой сферы) и связанной с этим деятельности при многих психических заболеваниях, что сказывается на реализации — нереализации желаний. Однако эта сфера исключительно важна не только при совершении правонарушений, но и в гражданском процессе. На основе сведений о волевых процессах, имеющихся в работах В.П. Сербского, было дано определение воле как субъективному решению произвести тот или иной поступок, способности задерживать или не препятствовать тому или иному влечению, что в целом не противоречит современной позиции психологов и психиатров. В.П. Сербский приводил убедительный пример рассуждений юристов своего времени: «...человек может покупать, продавать, торговать с полной целесообразностью, и никто не станет оспаривать юридическую силу подобных сделок, учитывая, что человек психически болен. Это мотивируется тем, что в области юридических отношений, личных и имущественных, играет роль только внешняя, ясно выраженная воля лица; внутренние мотивы действий — которые считаются столь важными в уголовном суде, дают такую благодарную задачу криминалистам, адвокатам и психиатрам — остаются в основном в стороне в вопросах гражд-

* OSKOLKOVA S.N. ISSUES OF PSYCHOLOGY IN THE WORKS OF V.P. SERBSKIY

данского права». В.П. Сербский отмечал, что из подобных примеров делается вполне закономерный вывод, что «медицинская точка зрения не имеет и не должна иметь обязательной силы для судей и юристов в целом при решении вопроса о дееспособности. Судебная практика сама вырабатывает и должна вырабатывать правила, которых следует придерживаться в чисто фактическом вопросе о влиянии душевных болезней на дееспособность. Автор подчеркивал, что долго перечислять, к каким противоречивым выводам приходит судебная практика, откинувшая медицинскую точку зрения. Впрочем, ряд этих выводов можно продолжать и сегодня, т.к. голос судебной психиатрии только начинает робко звучать в гражданских процессах.

Сербский подчеркивал, что отсутствие нелепостей, логичность содержания еще не есть бесспорное доказательство отсутствия у завещателя душевной болезни. Сомнения в этом должны внушать завещания, резко противоречащие всему характеру и поведению составителя, устранение по непонятным мотивам законных наследников и составление завещания в пользу посторонних лиц или учреждений. Сербский утверждал, что крупные пожертвования в пользу богоугодных заведений часто отражают выраженность интеллектуальных, аффективных, нравственных расстройств. Данное мнение нередко находило подтверждение и теперь.

Диагностика выздоровления, как и заболевания, по мнению В.П. Сербского, должна основываться на анализе личности. Одним из самых надежных критериев выздоровления он называл критическое отношение к перенесенной болезни. Прошедшее столетие не изменило роли этого фактора для психиатра и больного. Диссимуляция психопатологических расстройств — исключительно актуальная проблема для сегодняшней общей и судебной психиатрии. По мнению В.П. Сербского, она встречается у лиц с хроническим бредом преследования, длительно скрываемым, и в большинстве случаев имеет своей целью выписку из больницы и освобождение от надзора, что определяет их особую опасность. В настоящее время диссимуляция нередко обусловлена как указанными мотивами, так и желанием больного сохранить социальные связи, избежать отношения общества к себе как к психически больному. При значительной конкуренции в современном обществе это обретает особую актуальность и может свидетельствовать об известной сохранности и критичности личности.

В семье, по мнению В.П. Сербского, больной может оставаться только в том случае, если к нему хорошо относятся и приняты все меры для предотвращения его опасности для самого себя или других. В период перестройки практического здравоохранения и предложения новых форм патронажа этот аспект должен иметь особое значение.

Однако вероятность диссимуляции многих расстройств свидетельствует о необходимости дальнейшей разъяснительной работы среди населения как основы профилактики общественно опасных

действий больных и максимально раннего начала терапии. В.П. Сербский указывал, что большая часть психической деятельности совершается на бессознательном уровне. (Как известно, уточнение понятий сознания, бессознательного остается актуальным для психологии и психоанализа.) Он не считал возможным дать определение понятию сознания. Так же осторожно к этому относятся психиатры и психологи — наши современники. Он очень убедительно описывал ясное и измененное состояния сознания: «ясное как зеркало отражает психические процессы, а при неясном зеркало тускнеет». При неясном сознании В.П. Сербский выделял различные степени, причем «мерилом» степени считал степень утраты последующих воспоминаний. В определенной мере этот критерий не утратил значения, как и наблюдения о различной длительности нарушений сознания. К расстройствам сознания В.П. Сербский вполне обоснованно относил сомнамбулизм, но синонимом его считал понятие психического автоматизма, а механизмом — преобладание подсознательной психической деятельности. Очевидно, это имеет значение для психоаналитического анализа подобных состояний, которые могут приводить к различным, в том числе криминальным, действиям.

Значительное место в совершенствовании диагностики психических заболеваний В.П. Сербский, как и его учитель С.С. Корсаков, отводил лабораторным психологическим исследованиям. Надежды на психологические данные были так велики, что В.П. Сербский не пожалел личных средств для оборудовании такой лаборатории у себя в клинике. В предисловии ко второму изданию «Психиатрии» как наибольшее дополнение первого он называет именно описание психологических методов исследования в психиатрической практике. В дальнейшем отводит им в книге значительное место (более 40 страниц). Постепенно, анализируя неудачные подходы зарубежных специалистов к психологическому исследованию больных, В.П. Сербский рекомендовал методы, близкие к современным — основанные не на математическом аспекте результатов, а на качественном. При этом он исходил из современного принципа неразрывности и переплетения проявлений психической деятельности. Во времена В.П. Сербского это был серьезный довод против сохранявшегося формализма. Кроме того, современность его подхода к экспериментально-психологическим данным заключалась и в позиции динамической оценки таких данных. Он удивительно просто и убедительно объяснял возможные причины получаемых психологических различий у одного и того же больного: влияние усталости, настроения, желания выполнять работу (что не всегда достаточно учитывается и сегодня). Также современным психиатрам должно быть интересно, что В.П. Сербский никогда не переоценивал диагностическую значимость экспериментально-психологического обследования, считая, что оно может характеризовать личность, ее изменения болезнью, но не может являться опорой диагноза. Он также считал, что нельзя излишне

психологизировать психическое состояние больного: это может увести от истины (воспоминания И.Н. Введенского). Естественно, за 100 лет применяемые в психологии методики изменились, как и трактовка их результатов, но концепции В.П. Сербского по столь спорному вопросу как параклинические исследования психически больных и объективность подхода к состоянию с позиции психолога нельзя игнорировать и сегодня. В.П. Сербский отрицательно относился и к отвлеченным метафизическим построениям, которые были близки некоторым психиатрам-клиницистам. Он считал, что человека надо видеть и воспринимать объективно и реально — и это представляется важным и сегодня.

Среди существенных факторов, психотравмирующих для личности, «ставящих новые задачи перед адаптацией», В.П. Сербский выделял переселение в неприятные или сложные условия, тоску по родине, разлуку с родными, иноязычную среду, созданную ситуацией относительной изолированности, что в настоящее время весьма актуально для мигрантов в Россию, переселенцев в другие страны. Не менее ценны в наше время и данные В.П. Сербского и его коллег о том, что во время общественных бедствий, переворотов число психически больных как будто уменьшается, но затем возрастает. Давалось такое объяснение: общественно глобальные события обычно привлекают к себе многих больных, и они «растворяются» в массах увлеченных людей (приводился пример Парижского восстания 1870 года), но потом число явно больных резко возрастает из-за бедствий, лишений, страдают и дети, зачатые в состоянии стресса — «дети осады». Наконец, нельзя не привести наблюдение В.П. Сербского о зависимости частоты психических заболеваний от социального положения: в частности, у личностей с постоянным стремлением к обогащению это стремление сопряжено с постоянным эмоциональным напряжением и может приводить к тяжелым неврозам, провоцируются и другие скрыто протекавшие заболевания. В.П. Сербский не исключал, что данное обстоятельство лежит в основе того факта, что крупные состояния долго не находятся в одних руках. История многих наиболее богатых семей мира доказывает существование такой связи (семья Онассиса, Нобеля, Габсбургов, Морозовых и др.). В какой-то мере это может касаться и сегодняшней ситуации в России со сложным перераспределением собственности, острой конкуренцией на рынке.

В.П. Сербский входил в состав комиссии Психологического общества Москвы и был председателем его комиссий. На комиссиях были сделаны разные заключения, в том числе интересные и сегодня: 1) по вопросу об организации медико-педагогического надзора в исправительных заведениях (ИЗ), а также о психиатрическом обследовании поступающих в эти заведения малолетних; 2) врач-психиатр при ИЗ должен производить предварительное психиатрическое обследование поступающих в заведение с целью выяснения, нет ли у кого-то признаков душевного расстройства или предрасположенности

к нему; 3) врач-психиатр должен принимать участие в медико-педагогическом надзоре над всеми содержащимися в ИЗ и быть постоянным членом педагогической конференции.

Также был обсужден и опросный лист, по которому психиатр, получив его из изолятора, мог бы без личного обследования судить о психическом состоянии лица. Было признано, что такой лист необходим, что с его помощью могут быть достигнуты определенные цели: удовлетворение практической потребности более систематического изучения **личности воспитанников, в том числе в динамике**; также такой лист может служить руководством для ведения «кондуитных» списков; эти листы могут давать представление о ходе воспитания в ИЗ и, наконец, собранные посредством таких листов сведения являются очень ценным материалом для научных разработок.

В окончательном виде лист назывался «**Листок для исследования воспитанника**» и, по сути, давал **психологические характеристики несовершеннолетнего**. Он включал в себя следующие пункты: данные антропологического исследования, физическое здоровье, психическое здоровье, характеристику личности воспитанника, интеллект воспитанника (сюда включались память: хорошая — удовлетворительная — плохая, запоминание быстрое или медленное, прочное или нет), соображает быстро или медленно, хорошо или плохо, хорошо ли излагает устно или письменно свои мысли, проявляет ли наблюдательность, изобретательность, стремление к резонерству, нет ли нарушений мышления (нелогичности, непоследовательности, поверхностности рассуждений, односторонности, суеверия или странных мыслей), имеется ли склонность к фантазированию, вносятся ли свои дополнения в рассказы об увиденном, не сочиняются ли небылицы, нет ли склонности принимать вымыслы за действительность, характеристика внимания (рассеянность, отвлекаемость, способность к сосредоточению внимания и каким способом), имеются ли успехи в школе, какова общая оценка интеллектуальных способностей (средние, выше средних, ниже), не замечается ли преобладание памяти, воображения или рассудка. Далее в опросном листе стоит характеристика чувств (настроения, склонности к аффектам, наличия немотивированных страхов, симпатий, отношения к религии, особенностей нравственного чувства (любовь к родным, привязанность к товарищам, воспитателям, склонность к доносам, отношение к приюту, к животным, выявляются ли совесть и честность, хитрость, лживость, самомнение, недоверчивость, злость и жестокость, развито ли чувство собственного достоинства, мстительность, скупость, расточительность, чувство долга. Отдельным пунктом выделено эстетическое чувство (стремление к франтовству или равнодушие к одежде, чувство чистоплотности, неряшливость, способность к музыке, рисованию, сценическому искусству). Следующим пунктом опросника являлось выявление низших чувств (прожорливости, любви к лакомствам, разви-

тие полового чувства, «неприличность» в разговорах, ненормальные явления (онанизм, педерастия и др.). Последним пунктом являлась характеристика воли (исполняется ли задуманное, являются ли действия достаточно мотивированными, не противоречат ли действия словам, взглядам, под влиянием каких стремлений чаще всего происходит действие (личное удовольствие, собственная выгода, удовольствие других, страх наказания, стыд перед воспитателями, властолюбие, подражательность и внушаемость). Также в опросном листе стояли вопросы о склонности к воровству, к спиртным напиткам, курению, к ссорам и дракам, к неповиновению, стремление к хорошему и к исправлению недостатков, умение сдерживаться, чрезмерная суетливость, болтливость, любовь к труду, прилежание в учебе, какие занятия только по принуждению, чем занимается с интересом и увлечением, любит ли подвижные игры, как проводит часы досуга, нет ли странных привычек. После опросника оставлялось место для дополнительных замечаний врача или психолога.

Очевидно, что подобное внимание к воспитанникам исправительных заведений актуально всегда, но особенно в периоды возрастания преступности среди несовершеннолетних, при большом количестве беспризорных детей и подростков, как в последние годы. Обращает на себя внимание стремление глубоко проникнуть в формирующуюся личность, заметить отклонения от нормального формирования и искать оптимальные пути помощи, перевоспитания. И к этим вопросам В.П. Сербский был небезразличен. Представляется, что подобные листы с изменениями могли бы быть использованы в работе психологов, реабилитационных центров для подростков.

Большой научной и практической заслугой В.П. Сербского уже в рамках **юридической психологии** является несогласие с теорией «врожденного преступника» и тесной причинно-следственной связью психопатологии и преступности — с теорией, которой в XIX веке и позже придерживались многие психиатры, психологи и юристы. Нельзя не отметить и социально правильное воззрение В.П. Сербского на динамику критериев преступных действий — понятие преступления меняется со временем и с ситуацией (неудавшееся восстание в примерах В.П. Сербского трактуется как крупное преступление, а удачное — как желанное освобождение). Кроме того, многие преступники, являясь больными, по разным причинам не лечатся, а находятся в тюрьме. Делать генетические выводы по их потомству научно неверно, что разделяется и сейчас. Вместе с тем В.П. Сербский как врач и философ частично соглашался с позицией Ломброзо, который усматривал близкое отношение между гениальными людьми и помешанными. Он полагал, что этим природа хочет указать на обязанность снисходительно относиться к душевной болезни, а гениальные личности в чем-то могут не соответствовать психической норме. Подтверждение этих взглядов мы видим ежедневно. В 1896 г. на заседании Московского общества невропатологов и психиатров он сделал доклад «Преступ-

ные и честные люди». В нем он откликнулся на волновавшие общество проблемы преступности и роли психиатрии в понимании личности преступника и генеза преступлений в связи с распространявшимися учениями антропологической и социологической школ уголовного права.

Начиная доклад, Сербский со свойственной ему дипломатичностью отметил, что в прекрасной стране (Италии) очень велика преступность, и, возможно, этим объясняется значительная роль Италии в вопросах уголовного права. Он приводил взгляды Беккарии, с именем которого связан коренной переворот в воззрениях уголовного права, — смягчение ужасов «уголовного правосудия». Беккарий был убежден, что, как бы низко ни пал человек, каким бы преступлением себя ни заклеил, он не может утратить все человеческое достоинство, и общество, не признавая этого достоинства в самых «зверских злодеях», наносит себе и человечеству ничем не оправданный вред. Сербский отмечал, что после Беккария целая плеяда юристов на практике стремилась смягчить и «очеловечить» наказание. В теории же юристы стали заниматься разработкой отвлеченного понятия о преступлении, исходя из метафизических воззрений на свободную, самодовлеющую волю. Этой школе было присвоено название классической, и она рассматривала преступление как результат порочной воли, способности грешить или нет по своему усмотрению. Отсюда возник взгляд на наказание как на стимул, который еще может удерживать колеблющуюся волю на пути добродетели и отвести от греха.

Сербский в своем докладе сообщал, что постепенно в общественном сознании и среди судебных деятелей формировалось направление, сделавшее главным аспектом изучения преступности социальные условия. Укреплялось воззрение об их роковом влиянии на все поступки человека. Соответственно, борьба с преступлением должна заключаться не столько в наказании, сколько в улучшении социальных условий. Представителям этой школы некоторые ученые дали название «романтиков уголовного права». Но, как подчеркивал В.П. Сербский, и «классики», и «романтики» просмотрели человека — самого преступника. Этот пробел был восполнен новой школой криминалистов-антропологов, основателем которой стал профессор судебной медицины Ч. Ломброзо. В этом аспекте В.П. Сербский считал его работы важными и правильными. Однако он выступал противником основной концепции ломброзианства — резкой грани между преступными и не преступными людьми. Согласно этой концепции, преступник представлялся как особая разновидность человеческого рода, с характерными физическими и психическими признаками. Преступники были выделены в особый антропологический тип. В общей картине Ч. Ломброзо, по мнению В.П. Сербского, представил чудовищное существо — по сути и облику полузверя. Психические (психологические) особенности тоже вызвали возражение Сербского и его сторонников: склонность к татуировкам

(якобы из-за сниженной болевой чувствительности), употреблению особого жаргона, равнодушие к своей и чужой жизни, жестокость, притупление нравственного чувства, лишаящее его возможности испытывать раскаяние и стремиться к исправлению, а также увлечение спиртными напитками, азартными играми, чувственными наслаждениями. По мнению Ломброзо, эта «своеобразная раса» — дикари, случайно попавшие из-за стечения обстоятельств, наследственности в современную цивилизацию. По другому его толкованию сущности преступников — это дети, остановившиеся в развитии. Он также подчеркивал, что преступники душевно больны, нравственно помешанны. Случайно обследовав больного эпилепсией, он сделал общий вывод, что все преступники — эпилептики и что преступность, нравственное помешательство и эпилепсия — понятия тождественные. В.П. Сербский сообщал, что даже последователи ломброзианского учения признавали его выводы недоказанными гипотезами или даже научными заблуждениями. Тем не менее преступников они считали физически и психически резко отличающимися от обычных людей. Предположения Ломброзо были заменены на учение о вырождении, даже появился термин «преступный невроз».

В.П. Сербский подчеркивал в докладе, что от наличия или отсутствия резкой грани между преступными и честными людьми может зависеть отношение общества к его преступным членам, различие между ними условное — как и само понятие о преступлении изменчиво и условно и зависит от страны, эпохи, нравов и законов данного общества. Более того, проявляя себя глубоким философом и социологом, В.П. Сербский утверждал, что «многие честные люди при определенном уровне нравственности охотно воспользовались бы богатством другого, если бы были уверены, что это останется в тайне». Он вполне убежденно полагал, что преступление — явление социологическое, а не биологическое. Он не считал обоснованным мнение новой школы юристов, криминалистов-антропологов, которые утверждали невозможность исправления преступника и необходимость только защиты от него общества. Вопреки предположениям, они не стали сторонниками расширения области невменяемости, возмущались оправдательными приговорами судов присяжных (атавистического учреждения, по словам Ломброзо) и требовали более суровых мер для подавления преступности. Новая школа антропологов выдвинула лозунг — «Социальная оборона общества против неудобных для него членов». Оскорбление нравственного чувства должно влечь за собой смерть или изгнание. В частности, за тяжелое преступление предлагалась смертная казнь, за другие — ссылка на острова к дикарям.

Сербский сообщал на заседании общества невропатологов и психиатров, что на парижском конгрессе криминальной антропологии было принято предложение о создании комиссии для сравнительного исследования 100 преступников и 100 чест-

ных людей. Однако, как подчеркнул Сербский, она ни разу не собиралась. Впоследствии это было объяснено тем, что у комиссии были бы затруднения, кого считать честными, а кого — преступными людьми. Сербский очень глубоко анализировал возможные критерии честных и преступных людей. В том же докладе — «Преступные и честные люди» — В.П. Сербский сказал: «Когда подумаешь о бесчисленном множестве актов насилия и самых грубых нарушений общего права, которые ежедневно совершаются снизу доверху социальной лестницы... актов, которыми кишит история, — то можно спросить, не представляют ли заключенные узники категорию преступников, служащих отводом для того, чтобы другие со спокойным сердцем могли назвать себя честными людьми». По мнению Сербского, к категории преступников при царском самодержавии относили несчастных и низших представителей, тогда как «высшие» преступники помещались в группу честных людей и даже могли служить ее украшением. Безусловно, такие мысли заставляют задуматься не только современников В.П. Сербского и не только в России, в частности, о соотношении морали и права.

Безусловно, важно утверждение В.П. Сербского, что преступление, т.е. нарушение закона, есть явление юридически значимое, а в более широком смысле — социологическое и как таковое не может быть соизмеримо с теми биологическими явлениями, которые изучает школа криминалистов-антропологов Ч. Ломброзо. «Да, — указывал В.П. Сербский, — Ломброзо считал, что часть преступников можно назвать аристократами преступления, они имеют большую мозговую вместимость, правильную форму черепа и часто гармоничные и тонкие линии, свойственные выдающимся лицам...» Однако Сербский не считал правильной неразрывную связь между этими совершенно разнородными явлениями.

Вместе с тем Сербский утверждал, что именно от данного «учения» можно ждать правильных подходов к борьбе с преступностью. «Если мы, люди, не совершающие преступлений из страха перед жандармами и поэтому гордые своей честностью, противопоставляющие себя «подонкам» и «отбросам» в острогах и казематах, не подозвали их и не расспросили, как они дошли до такой жизни, то проявили ли мы элементарную справедливость?» — вопрошал он. И сам давал печальный ответ: не только не сделали, но и считали это совершенно излишним, также не интересуясь и тем, как влияет на «падших» искупление вины. Учитывая сказанное, Сербский полагал, что криминальная антропология наряду с недостатками готовит крупный переворот в воззрениях: для правильного понимания любого явления необходимо его всестороннее изучение. Но преступного мира это почему-то не касалось. В возникновении такого изучения он видел заслугу Ломброзо, считая, что криминальная антропология не должна упоминаться только с отрицательными эпитетами. В.П. Сербский подчеркивал, что классическая школа уголовного права «проглядела живого человека», отмечал, что только ломброзианство доказало, что преступность и преступление связаны с социальными условиями

общества. Оно подчеркнуло необходимость всесторонне изучать преступность и личность преступника. В этом он видел положительное значение смелых, но недостаточно обоснованных, по его мнению, выводов Ломброзо. В журнале «Вопросы философии и психологии» В.П. Сербский в 1896 г. писал, что «пусть от теории Ломброзо не останется камня на камне, но он включил преступника в круг изучения положительной науки». Вместо кабинетного изучения отвлеченных понятий о преступлении и наказании им показана необходимость изучения самого преступника как личности, проявившей себя в том или ином деянии. Преступление, по утверждениям В.П. Сербского, отражает сложный результат взаимодействия двух факторов — личного и общественного, что соответствует современным концепциям судебной психиатрии и юридической психологии.

Бесспорно, научным достижением своего времени надо считать мнение В.П. Сербского, что пока из массы осужденных не будут выделены психически больные, у которых преступление вытекает из болезни и которых немало в местах заключения, невозможно решить вопрос о наличии или отсутствии врожденного преступника. У таких лиц психическое расстройство проявляется нерезко, поэтому они кажутся просто порочными и преступными натурами. Время показало, что даже выделение подобных больных не дает оснований для вывода о наличии врожденных преступников, хотя подтвердило его мнение о роли личности и общества в формировании готовности к правонарушению. Заканчивая выступление на 4-м Международном конгрессе криминальной антропологии в Женеве, В.П. Сербский присоединился к призыву аббата де Байе: «Пора, давно пора пойти с деятельной, вооруженной наукой, любовью в тот темный мир преступных личностей, к которому мы, к нашему стыду, подходили только с суровыми, жестокими карами да беспощадными репрессиями».

В.П. Сербский смог критически отнестись к отдельным положениям учения известного психиатра своего времени Мореля, писавшего о наследственной дегенерации, но указывавшего, что соотношение личностных особенностей и среды в генезе преступлений — задача предстоящих исследований, а на клинические проявления болезней смотрел как на признаки вырождения. В.П. Серб-

ский «нравственное» помешательство четко отграничивал от неболезненной нравственной тупости, считая ее следствием заброшенности и плохого воспитания. Он отмечал, что для диагностики такого помешательства необходима констатация патологической наследственности, психопатологических проявлений и их динамики на протяжении жизни. Достаточно передовые для своего времени взгляды В.П. Сербского на проблему наследственной дегенерации были основаны на знакомстве с работами самого Мореля, он не считал, что она вовсе не формирует преступные типы. Как впоследствии подчеркивалось (Каннабих Ю.В., 1929), Морель наряду с наследственной отягощенностью придавал большое значение факторам внешней среды (экзогенным соматическим вредностям, психическим травмам и социальной ситуации). В качестве приват-доцента В.П. Сербский в речи «Преступные и честные люди» подчеркнул, что его взгляды на преступность не замыкались на биологию, а дали под видом психологии преступности пути к анализу более широкого понимания роли в преступлении условий функционирования личности (Розенштейн Л.М., 1928).

В.П. Сербский как ученый был устремлен в будущее, мудро не считая науку XIX века способной решить многие спорные вопросы.

Литература

1. Введенский И.Н. В.П. Сербский и его роль в психиатрии // Журнал невропатологии и психиатрии им. С.С. Корсакова. 1953. № 3 (1).
2. Каннабих Ю. История психиатрии. М., 1994. 528 с.
3. Розенштейн Л.М. В.П. Сербский — классик московской психиатрической школы / Психогигиенические и неврологические исследования / под ред. Л.М. Розенштейна. М., 1928. С. 7–16.
4. Сербский В.П. Руководство к изучению душевных болезней. М., 1907. 568 с.
5. Сербский В.П. Руководство к изучению душевных болезней. М., 1906. 568 с.
6. Сербский В.П. Преподавание психиатрии для юристов // Сборник правоведения и общественных знаний. СПб., 1893. Т. 2. С. 44–57.
7. Сербский В.П. Преступные и честные люди // Вопросы философии и психологии. 1896. Кн. 35. С. 660–678.
8. Сербский В.П. IV Международный конгресс криминальной антропологии в Женеве // Вопросы философии и психологии. 1896. Кн. 34. С. 429–459 ; Кн. 35. С. 660–677.
9. Шуберт А.М. В.П. Сербский и клиническая психология. 29.11.1952. Рукопись из музея ГЕЦ и ССП им. В.П. Сербского. 5 с.

ОСОБЕННОСТИ ВИЗУАЛЬНОЙ ПСИХОДИАГНОСТИКИ ЛОЖНЫХ СООБЩЕНИЙ СОТРУДНИКАМИ ПОГРАНИЧНОГО КОНТРОЛЯ*

Дупак Александр Александрович,
аспирант факультета психологии
Российского государственного социального
университета (РГСУ),
dokonca@yandex.ru

Анализ количества правонарушений на границе Российской Федерации позволяет говорить о том, что для поимки нарушителей государственной границы необходимы более совершенные методы, требующие меньших физических, интеллектуальных и аппаратных средств. Одним из таких методов является визуальная психодиагностика. Автор определил понятие визуальной психодиагностики, ее социально-психологические особенности.

Ключевые слова: визуальная психодиагностика, ложь, эмоции, мимика, жесты.

The analysis of quantity of offenses at border Russian Federation's board allows to say that more perfect methods demanding less than physical, intellectual and hardware are necessary for capture of violators of frontier. One of such methods is the visual psychodiagnostics. The author defined concept of visual psychodiagnostics, its social and psychological features.

Key words: visual psychodiagnostics, lie, emotions, mimicry, gestures.

В настоящее время психологическая наука располагает огромным арсеналом средств, позволяющих диагностировать устойчивые индивидуально-психологические особенности человека. Традиционно в психодиагностических целях используются такие методы, как тесты, беседа, анкетирование, личностные опросники. Вместе с тем существуют определенные трудности, ограничивающие использование подобных методов, такие как: большие временные затраты на обследование и последующую интерпретацию результатов, невысокая надежность даваемых ответов, связанная с сознательным контролем ответов, напряженность респондента. Результаты тестов дают представление о «ролевой маске» личности, сформированной под влиянием социального опыта, и не всегда достоверно отражают ее суть. Поэтому встает вопрос об использовании новых, оперативных по времени и анонимных для тестируемого, подходов, которые способны давать объективную информацию о личности человека. Такие возможности предоставляет **визуальная психодиагностика**, основанная на непосредственном наблюдении и интерпретации внешнего облика человека и его невербального поведения.

Визуальная психодиагностика берет свои истоки в Древней Греции, где Гиппократ искал зависимость между морфологическими и психологическими особенностями представителей того или иного темперамента. Продолжение примитивной визуальной психодиагностики можно найти в морфологических теориях Э. Кречмера и У. Шелдона. Немаловажная роль в развитии этого направления психодиагностики принадлежит Ч. Дарвину («Выражение эмоций у животных и человека», 1872). В более поздних иссле-

дованиях зарубежных психологов рассматривались особенности первого впечатления о человеке и были прослежены в зависимости от широкого круга таких факторов как пол, возраст, образование, род занятий и семейное положение взрослых людей (С. Аш, Г. Келли, Д. Брунер, Р. Тагиури, Г. Олпорт, Т. Ньюком). Ведущими специалистами визуальной психодиагностики в современной зарубежной психологии являются П. Экман (2009, 2012), и У. Фризен (2012).

В изучение невербального поведения личности человека, психологии экспрессивного поведения как элементов визуальной психодиагностики в отечественной психологической науке внесли вклад такие ученые, как: Г.М. Андреева, Л.И. Анцыферова, А.Г. Асмолов, Е.А. Ермолаева, В.В. Знаков, В.Н. Куницын, В.А. Лабунская, А.А. Леонтьев, Б.Д. Парыгин, В.Н. Панферов, Е.В. Руденской, В.П. Трусов и др.

Невербальное поведение, по мнению В.А. Лабунской, является внешней формой существования и проявления психического мира личности¹. В своей основе визуальная психодиагностика рассматривает невербальное поведение, которое многообразно по своему составу (в него входят телодвижения, мимика, жесты и многие другие составляющие), и его необходимо рассмотреть более подробно.

Мимика имеет много параметров, которые анализируются в целях индикации лжи: движения глаз, направление взгляда, повороты головы человека в ходе общения и другие. Как показывают результаты эмпирического исследования Е.А. Черкасовой, опытные сотрудники паспортного контроля во многих случаях диагностируют ложь именно благодаря анализу мимики гражданина².

* ДУПАКА А.А. PECULIARITIES OF VISUAL PSYCHO-DIAGNOSTICS OF FALSE MESSAGES BY EMPLOYEES OF BORDER MANAGEMENT

Наиболее полную информацию об эмоциональном состоянии человека содержат глаза. Известно, что глаза не только «окно в мир», но и «окно в душу», т.е. они являются внешним отражением психических состояний человека. Психические процессы тесно связаны с мышлением, переживанием, смыслом конкретной жизненной ситуации, чувствами и эмоциями, которые проявляет человек. Наиболее доступен визуальному наблюдению такой элемент лица как зрачок глаза. Он постоянно находится в движении и, согласно исследованиям в области психологии эмоций, именно по движению зрачков можно определить не только ход мыслительного процесса, но и искренность или неискренность эмоциональных проявлений человека. Речь идет о так называемых «ключах глазного доступа». Ключи глазного доступа (КГД) — движения глаз в определенных направлениях, которые указывают на способ мышления в данный момент. Данную методику впервые описал и ввел в психологический обиход американский философ и психолог Дж. Уильямс в 1890 г. Суть методики заключается в том, что эксперты задают респондентам специальные вопросы и фиксируют движение глазного зрачка в момент обдумывания ответа испытуемым. Зрачок при ответе движется в 1 из 9 зон, на которые (формально) поделено лицо человека (взгляд устремлен вверх, вниз, вправо, влево, вверх и вправо, вверх-влево, вниз-вправо, вниз-влево и прямо перед собой)³.

Существуют определенные зоны (вверх-вправо и вправо), в которые непроизвольно попадает зрачок глаза при конструировании ложной информации, что в ряде случаев говорит о ее сознательном искажении. Чаще «срабатывает» не столько наблюдение за зоной конструирования, сколько анализ несовпадений движений зрачка глаза по модальностям (сенсорным системам, ощущениям) с содержанием информации. В ситуации, когда высказывание субъекта общения касается каких-либо образов (картин, предметов, ситуаций взаимодействия с другими людьми), зрачок говорящего находился не в зоне визуального, аудиального и кинестетического воспоминания, а в зоне визуального и аудиального конструирования, можно предположить, что его общение не искренне.

У людей в процессе внешней и внутренней коммуникации зрачки находятся в постоянном движении. В момент поиска информации люди концентрируются на внутренне хранимых и внутренне вырабатываемых образах, звуках, словах и чувствах.

В ситуации проверки документов сотрудниками пограничных органов данную технику можно применить, задав человеку ряд вопросов и фиксируя при этом движения его глаз:

Вспомните, пожалуйста, где Вы получали свой паспорт?

С какой целью Вы прибыли в Российскую Федерацию?

Назовите, пожалуйста, дату своего рождения.

Если зрачок человека переместился вверх и влево (или вверх и вправо, если он левша), то он пытается вспомнить реальные факты и дать объек-

тивный ответ на заданные вопросы. Если сотрудник пограничного контроля зафиксировал у проверяемого движение глаз в области визуального или аудиального конструирования, то с большой степенью вероятности можно говорить о попытке человека сформулировать ложный ответ на заданный вопрос.

Эмоциональные проявления психических состояний, сопровождающие ложное сообщение, могут быть диагностированы путем оценки следующих поведенческих паттернов: продолжительность контакта глаз, «бегающий взгляд», сужение глаз собеседника (прищуривание), наличие легкой улыбки (без подъема нижних век), микронапряжение лицевых мышц.

В непринужденной обстановке, в ситуации коммуникативного контакта, когда люди говорят правду друг другу, взгляды встречаются около 2/3 всего времени общения. Если человек неискренен или скрывает что-либо, то его глаза будут встречаться с глазами собеседника менее 1/3 части всего времени взаимодействия (общения).

Человек, не привыкший ко лжи или испытывающий по другим причинам тревогу в ходе ложного заявления, с трудом «держит взгляд» партнера по общению и часто отводит глаза в сторону. Сужение глаз собеседника (прищуривание) — этот признак, как правило, свидетельствует о настороженности, напряжении партнера по общению, вызванных опасением, что его противоправное намерение будет раскрыто. Легкая улыбка (без подъема нижних век), сопровождающая ложь, позволяет маскировать внутреннее напряжение, однако не всегда выглядит достаточно естественной. Как правило, в этом случае она имеет продолговатый вид (губы слегка оттянуты назад от верхних и нижних зубов, образуя продолговатую линию губ, а сама улыбка не кажется глубокой), показывает на внешнее притяжение, официальную вежливость другого человека, но не на искреннее участие в общении и готовность к оказанию помощи⁴.

В момент сообщения ложной информации человеком сотруднику пограничного контроля по лицу первого «пробегают тени», т.е. можно зафиксировать кратковременное напряжение в выражении лица, длящееся доли секунды. По мнению американского исследователя Р. Беннета, эта непроизвольная реакция — очень надежный индикатор лжи.

Говоря о признаках неискренности, не следует забывать о том, что в момент ложного высказывания человек концентрирует свое внимание на лице партнера, пытаясь оценить, насколько успешно удалось ввести его в заблуждение — пытливый взгляд.

Когда человеком владеет контролируемый страх, в том числе и страх разоблачения, его брови слегка приподняты, как бы вытянуты в прямую линию. Чем сильнее испытывает страх пассажир, тем более явно проявляются другие признаки этого эмоционального состояния: лоб пересекают горизонтальные морщины; глаза расширены (причем верхнее веко чуть приподнято, а нижнее напряжено); рот приоткрыт, углы его сдвинуты назад так, что губы натянуты и распрявлены. Чем сильнее натянутость

и распрямленность губ, тем глубже человек испытывает страх.

Появление горизонтальных складок на лбу, как правило, характеризует состояние повышенной сосредоточенности. Вертикальные складки лба обычно указывают на то, что общее внимание, вызванное кем-либо или чем-либо, у партнера по общению достигло наивысшей точки. Следует подчеркнуть, что изменения в тоне и напряжении микромышц лба могут являться следствием опасения, страха, удивления, вызванных процедурой паспортного контроля либо детерминированными индивидуально-психологическими особенностями человека (повышенная тревожность, заторможенность психических познавательных процессов и др.). Повышение точности определения причин эмоциональных состояний у пассажира предполагает комплексное оценивание достаточно большого количества поведенческих паттернов и только на этой основе формирование вывода.

В психологической науке выразительные движения головой, рукой или кистью, которые совершают с целью общения и которые могут сопровождать размышление или какое-либо эмоциональное состояние, принято относить к кинесике как компоненту невербальной коммуникации. В современной психологии общения накоплен большой объем эмпирических данных, свидетельствующих о наличии невербальных признаков измененного психоэмоционального состояния индивида. Как правило, это свидетельствует о неискренности либо откровенной лжи относительно высказываемых вербально намерений⁵.

В частности, следует учитывать, что руки, закрывающие лицо или часть его, сигнализируют о желании человека скрыть, спрятать, утаить свое состояние. Подобные жесты могут отражать состояния задумчивости, глубокой печали либо затруднения. Согласно результатам ранее проведенных эмпирических исследований, количество жестов «рука — лицо» заметно возрастает, когда кто-нибудь лжет или пытается солгать. Типичными примерами этого движения являются: поглаживание подбородка, прикрытие рта, касание носа, потирание щеки, касание или поглаживание волос на голове, потягивание за мочку уха, потирание или почесывание бровей, сжимание губ⁶.

Жест является важнейшим средством невербальной коммуникации, которое, сопровождая речь, обычно является показателем раскованности говорящего. Он подчеркивает ту непринужденность либо скованность, которая считается необходимым условием реализации разговорной речи. Жест сокращает вербальный текст, заменяя слова и включая в диалог те или иные дополнительные смыслы.

Жестикуляция имеет свои национальные особенности и этикет. В научной литературе «этикет жестов» описан такими учеными как К. Изард, У. Фризен, П. Экман, Д. Моррис и В.В. Знаков. В российской культуре считается невежливым показывать на что-либо, а особенно на человека, пальцем. В случае возникновения необходимости указывают всей рукой. Сравнивая жесты россиянина с жестами любого

европейца, надо заметить, что русские практически не используют синхронных движений обеих рук, жестикуляция осуществляется одной рукой, чаще правой. Вторая рука или совсем не жестикулирует, или жестикулирует в меньшей степени и не повторяет движения правой. Когда жестикулируют руками, их не выносят далеко от тела. Часто движения руки заменяют движениями головы, плеч. Например, вместо слов «не знаю»жимают плечами. Наблюдая русских в жестикуляции, представители других наций не всегда правильно определяют стилистику жеста, т.е. когда и с кем можно его употреблять, а когда нужно себя в этом ограничивать. Русская жестикуляция, мимика, поза определяются ситуацией, отношениями говорящих и их социальной принадлежностью. Чем человек воспитаннее, вежливее, тем более сдержан его жест⁷.

Установлено, что интенсивность жестикуляции повышается, если говорящий волнуется, если хочет занять лидирующую позицию в общении, если прерывается обратная связь в общении, если он испытывает затруднения в выражении мысли. Тревожность, неуверенность человека сопровождаются хаотическими жестами, однообразным движением рук, использованием при разговоре какого-либо предмета. В таких ситуациях жестикуляция произвольна и характерна для всех людей.

В службе сотрудника пограничного контроля наблюдателю обычно предстают несколько характеристик жестов: их направленность, форма, интенсивность, частота. Из совокупности этих параметров возникает общая оценка жестов человека.

Переходя к анализу частоты проявления такого признака нетипичного психоэмоционального состояния законопослушного пассажира, как пантомимика, необходимо отметить, что эта часть невербальной коммуникации содержит профессионально важную информацию об искренности вербализируемой мотивации совершения вероятного преступления для сотрудников пограничного контроля. Работа проводится посредством анализа преимущественно языка поз и телодвижений гражданина. Достоверность пантомимики основывается на том, что большинство ее проявлений происходит спонтанно и не контролируется сознанием индивида. Знание пантомимики позволяет понять больше, чем собеседник говорит.

Человеческое тело способно принять около тысячи разных устойчивых положений. Проявление их (как и многих других компонентов невербального поведения) зависит от культурных и групповых норм, уровня личностного развития, от возраста, социального статуса человека, пола и т.д. Например, женщины в ситуации эмоционального напряжения, недоверия к партнеру резко наклоняют туловище вперед или, сидя, «отбрасывают» его на спинку стула, принимая расслабленную позу. Мужчины в этой же ситуации принимают более жесткую позу, держатся прямо, движения их рук раскованны⁸.

Наиболее часто психоэмоциональное напряжение потенциального нарушителя государственной границы проявляется в излишней торопливости,

стремлении как можно быстрее закончить процедуру проверки документов на право пересечения границы. В этой ситуации пантомимика человека содержит следующие телодвижения: частые наклоны тела к багажу, его передвижение ближе к турникету, постукивание фалангами пальцев рук по окну приема документов, частые повороты головы в сторону транспортного средства, частые взгляды на часы (включение мобильного телефона), выражение на лице крайней озабоченности темпом проверки документов.

Несколько реже пассажир демонстрирует засторможенную моторику: стоит в напряженной (скованной) позе. Подобная реакция на стрессовую ситуацию отражает такие индивидуальные особенности личности как интроверсия, чувство вины, тревожность.

Очень выразительны позы, фиксирующие только положение тела, по которым также можно судить об эмоциональном состоянии человека. Если человек говорит то, что думает, его тело посылает сигналы, которые оцениваются однозначно положительно. В таких случаях тело, как правило, держится прямо, без особых изгибов, и может быть описано прямой линией, соединяющей голову со ступнями. Когда же соответствие между мыслями и словами нарушается, тело начинает посылать двойные сигналы, и линия, повторяющая его контур, становится ломаной⁹.

Вместе с тем следует понимать, что при прохождении паспортного контроля все притворные движения либо преувеличивают слабое волнение, либо подавляют сильные волнения. При этом, как правило, в первом случае демонстрируются усиленное движение руками, импульсивные дерганья корпусом, головой; во втором — ограничивается подвижность рук, ног, туловища, головы. Притворные движения начинаются с конечностей и заканчиваются на лице.

Следует отметить, что сотрудник пограничного контроля действует в условиях непосредственного контакта с лицом, подвергшимся проверке документов. В процессе проверки документов и вероятного досмотра сотрудник пограничного контроля воспринимает вероятного противника непосредственно, осуществляя как визуальный, так и тактильный контакт.

Данное обстоятельство создает благоприятные условия для нарушителей государственной границы по оказанию на сотрудника пограничного контроля определенного психологического воздействия, давления в интересах решения вопросов возврата документов и дальнейшего пересечения границы. При этом граждане государств Юго-Восточной Азии, Африки, Ближнего и Среднего Востока прибегают к подкупам; граждане государств Западной Европы и США — к угрозам жалоб и междоусобных скандалов.

Нарушители государственной границы пытаются осложнять процесс идентификации личности посредством проверки документов отвлечением, хорошо продуманными вопросами и замечаниями, вводить в заблуждение относительно своих намерений показной уверенностью («Что, не похож? Ну, посмотри в профиль! Я сам себя по понедель-

ник не узнаю!»), уверениями, что «фотограф плохо снял» или «Я в другой одежде, поэтому выгляжу не похоже» и т.д.

Наиболее часто нарушители государственной границы прибегают к тактике убеждения, внушения (уговоров вернуть документы быстрее по причине нехватки времени) и психологического давления на сотрудника пограничного контроля путем инициации скандала.

В психологической литературе к аудиальным средствам невербального поведения относят просодию и экстралингвистику; элементом акустики является также интонация речи. Экстралингвистика включает паузы и различные психофизиологические проявления человека: паузы, плач, кашель, смех, вздох, шепот и т.д. К просодике относятся характеристики высоты тона, длительности, силы звука, ударения, тембра голоса¹⁰.

Зарубежными и отечественными психологами установлено, что замедляющаяся скорость речи (и жестикуляции) сигнализирует о наступлении у человека задумчивости, потере уверенности. Кроме того, голос человека может быть нарочито громким для сокрытия неуверенности либо является признаком недостаточной критичности к себе, невладения своими эмоциями. Напротив, слишком тихий голос может служить маскировкой для достижения скрываемых целей, особенно при общем напряжении говорящего.

Как правило, сильные изменения громкости голоса говорят о нестабильном эмоциональном состоянии, волнении. Высокий пронзительный голос свидетельствует об эмоциях страха, волнения. Для лиц, которые стремятся получить значимую выгоду, характерен «елейный, масляный, жирно-мягкий голос».

Экстралингвистические и просодические особенности речи нарушителей государственной границы позволяют достаточно уверенно диагностировать нетипично высокое психоэмоциональное напряжение в процессе идентификации личности. Так, опытные сотрудники пограничного контроля относят к признакам психоэмоционального напряжения интонацию, громкость, темп и тембр голоса. Кроме того, речь людей, имеющих какие-то проблемы с документами, имеет более быстрый темп, нежели речь законопослушных граждан, содержит экстралингвистические элементы (вздохи, кашель, смех и др.).

Тесная связь эмоциональных процессов с физиологическими реакциями организма человека подтверждена и исследованиями физиолога У. Кэннона, который провел серию успешных экспериментов с деиннервацией висцеральных органов. Опыты У. Кэннона говорят о следующем: внутреннее или внешнее событие изменяет градиент нейронной стимуляции, а также активность лимбической системы и сенсорной коры. Импульсы от коры или от лимбических структур направляются гипоталамусу. Гипоталамус играет заметную роль в дифференциации эмоций, определяя, на какое выражение лица будет произведено воздействие. От гипоталамуса

импульсы следуют к базальным ганглиям, которые организуют нейронное сообщение для изменения мимического выражения. Это сообщение передается через моторную кору.

При фундаментальной эмоции импульсы от моторной коры через лицевой (VII черепной) нерв определяют специфическое выражение лица. Тройничный (V черепной) нерв проводит сенсорные импульсы в сенсорную кору. Наконец, корковая интеграция обратной связи от выражения лица образует субъективное переживание эмоции. При этом эндокринно-гормональная, сердечно-сосудистая, дыхательная и вегетативная нервная системы человека синхронно реагируют на эмоциональное переживание события¹¹.

Согласно ранее проведенным отечественными учеными исследованиям эмоции существенно усиливают вегетативные реакции организма: учащается пульс и дыхание, повышается кровяное давление, отмечается возбуждение (реже угнетение) деятельности желудочно-кишечного тракта и т.д. Вместе с тем, если психические переживания субъекту иногда удастся скрыть или завуалировать, то двигательноповеденческая и вегетативная компонента эмоциональной реакции более заметна для наблюдения. Этот вывод имеет высокую практическую значимость для оценки психоэмоционального состояния человека, проходящего процедуру проверки документов на основе визуально определяемых вегетативных реакций индивида.

В частности, сотрудниками наиболее точно визуально определяются такие признаки нетипичного психоэмоционального состояния нарушителей государственной границы, как тремор рук (руки пассажира трясутся, раскоординация движений) в 90,4% случаев, гипергидроз (повышенное потоотделение) — в 37,2%. Кроме того, у 36,9% нарушителей границы наблюдается изменение цвета кожи лица (лицо бледнеет или покрывается красными пятнами).

Выводы

1. Под визуальной психодиагностикой понимается комплекс методов, изучающих поведенческие реакции человека (просодика, экстралингвистика, проксемика, такесика и т.д.). Методы визуальной диагностики берут свое начало из Древней Греции и совершенствуются по сей день. На современном этапе развития органов пограничного контроля визуальная психодиагностика является незаменимым средством, способствующим повышению эффективности охраны государственной границы.

2. Применяя методы визуальной психодиагностики для идентификации потенциального нарушителя государственной границы, необходимо одновременно учитывать внешние факторы (погода, нормальное поведение человека, состояние здоровья, утомленность контролера) и внутренние («национальный этикет», мимика, жесты и т.д.)

3. Рассматриваемая проблема намного глубже, нежели она изложена автором, требует более детального и глубокого анализа, методического, технического и

концептуального совершенствования, что, в свою очередь, позволит сотрудникам пограничного контроля в перспективе повысить эффективность идентификации ложной информации, передаваемой гражданами, пересекающими государственную границу. Эти вопросы станут предметом дальнейшего исследования автора.

Литература

1. Введенская Л.А., Павлова Л.Г. Культура и искусство речи. Ростов н/Д., 1996.
2. Джеймс У. Эмоции [Электронный ресурс]. 2009. URL: <http://www.psychology-online.net/articles/doc-310.html> [дата обращения: 20.02.2013].
3. Знаков В.В. Категории правды и лжи в русской духовной традиции и современной психологии понимания. М., 1993.
4. Изард К. Теория дифференциальных эмоций. М., 2012.
5. Космолинский Ф.П. Эмоциональный стресс при работе в экстремальных условиях. М.: Медицина, 1976. С. 178.
6. Лабунская В.А. Экспрессия человека: общение и межличностное познание. Ростов н/Д., 1999. С. 167.
7. Лабунская В.А. Визуальная психодиагностика личности. Ростов н/Д.: Изд-во ЮФ, 2011.
8. Моррис Д. Библия языка телодвижений. Фундаментальное исследование всех невербальных сигналов. М.: Эксмо, 2010. С. 663.
9. Пиз А., Пиз Б. Новый язык телодвижений. СПб., 2012.
10. Тарасов А.Н. Социально-психологические феномены ложной информации в организации: автореф. дис. ... канд. психолог. наук. М., 2004.
11. Черкасова Е.С. Социально-психологические особенности объективизации лжи на основе ее детекции: дис. ... канд. психолог. наук. М., 2009.
12. Щекин Г. Визуальная психодиагностика: познание людей по их внешности и поведению. Калининград: МАУП, 2001.
13. Экман П., Фризен У. Психология лжи. Книга-тренинг. Узнай лжеца по выражению лица. СПб., 2012.
14. Ярошевский М.Г., Петровский А.В. Психологический словарь. М.: Наука, 1985.
15. Bennett R.J., Robinson S.L. Development of a measure of workplace deviance // Journal of Applied Psychology. 2010.
16. Kretschmer E. Körperbau und Charakter // Nationale psychologie, 1921 (в рус. пер.: Строение тела и характер). М., 2011.

¹ Лабунская В.А. Экспрессия человека: общение и межличностное познание. Ростов н/Д., 1999. С. 51.

² Черкасова Е.С. Социально-психологические особенности объективизации лжи на основе ее детекции: дис. ... канд. психолог. наук. М., 2009. С. 63–68.

³ Джеймс У. Эмоции [Электронный ресурс]. 2009. URL: <http://www.psychology-online.net/articles/doc-310.html> [дата обращения: 20.02.2013].

⁴ Экман П., Фризен У. Психология лжи. Книга-тренинг. Узнай лжеца по выражению лица. СПб., 2012. С. 91.

⁵ Лабунская В.А. Визуальная психодиагностика личности. Ростов н/Д.: Изд-во ЮФ, 2011. С. 10

⁶ Изард К. Теория дифференциальных эмоций. М., 2012. С. 46–48.

⁷ Знаков В.В. Категории правды и лжи в русской духовной традиции и современной психологии понимания. М., 1993. С. 15.

⁸ Моррис Д. Библия языка телодвижений. Фундаментальное исследование всех невербальных сигналов. М.: Эксмо, 2010. С. 398.

⁹ Введенская Л.А., Павлова Л.Г. Культура и искусство речи. Ростов н/Д., 2008. С. 48–49.

¹⁰ Щекин Г. Визуальная психодиагностика: познание людей по их внешности и поведению. Калининград: МАУП, 2001. С. 45.

¹¹ Космолинский Ф.П. Эмоциональный стресс при работе в экстремальных условиях. М.: Медицина, 1976. С. 35.

К 20-летию легализации применения полиграфа в России

ОРГАНИЗАЦИОННО-МЕТОДИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ СУДЕБНО-ПСИХОФИЗИОЛОГИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ С ПРИМЕНЕНИЕМ ПОЛИГРАФА*

Иванов Роман Станиславович,
кафедра юридической психологии
и военной психологии факультета
психологии ФГАОУ ВПО
«Южный федеральный университет»
skaadl@bk.ru

В статье автор проводит ретроспективный обзор основных этапов становления судебно-психологической экспертизы с применением полиграфа в России, анализирует ее научно-методические основы, дает практические рекомендации юристам по организации экспертного исследования.

Статья представляет интерес для юристов-практиков: адвокатов, следователей, прокуроров и судей, а также полиграфологов, участвующих в судебно-экспертной деятельности. Публикуемая работа поможет им ориентироваться в основных вопросах по назначению и производству судебно-психологической экспертизы с применением полиграфа.

Ключевые слова: полиграф, детектор лжи, судебно-психологическая экспертиза, объект, предмет и экспертные задачи, психологическое исследование, опрос с использованием полиграфа, теория целенаправленного тестирования памяти, криминалистические исследования, образовательные документы.

The article contains retrospective review of stages of formation of psychophysiological examination with polygraph as a forensic examination in Russia. It analyzes scientific and methodical bases of this kind of forensic examination, makes practical recommendations to lawyers on the selection of experts to conduct research.

The article is of interest for lawyers, investigators, prosecutors and judges, also and polygraph examiners involved in forensic activities. Published paper will help them to be guided with the main questions of psychophysiological examination with polygraph as a forensic examination.

Key words: polygraph, the lie detector, forensic examination, object, subject and expert tasks, psychophysiological research, memory testing theory, forensic investigations, educational standards.

I. Достижения последних лет

1 марта 2013 г. полиграфологи России отмечали знаменательную дату: в этот день 20 лет назад, в 1993 г., Министерство юстиции Российской Федерации зарегистрировало Инструкцию № 6 Министерства безопасности Российской Федерации, которая установила порядок применения опросов с использованием полиграфа (ОИП) в оперативно-розыскной деятельности. Таким образом, Российское государство впервые за всю историю своего существования признало, что на его территории может применяться полиграф.

За несколько дней до этого события, 12 февраля 1993 г., в Министерстве безопасности Российской Федерации была принята Инструкция № 6 «О порядке применения специальных психологических исследований с использованием полиграфа федеральными органами государственной безопас-

ности». В п. 1.1. Инструкции было зафиксировано, что «*Специальное психологическое исследование с применением полиграфа* (далее — СПФИ) является одним из видов опроса с использованием технических средств, не причиняющих вреда жизни и здоровью личности». Этот ведомственный нормативный акт придал применению полиграфа статус оперативно-розыскного мероприятия «опрос граждан», в соответствии с действовавшим в то время ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности в Российской Федерации» от 1992 г., и метод психологических исследований с применением полиграфа перешел из научно-исследовательских лабораторий в арсенал средств по борьбе с преступностью субъектов оперативно-розыскной деятельности.

Позже и другие правоохранительные органы ввели в действие подобные инструкции: 28 декабря 1994 г. в МВД России была принята Инструкция

* IVANOV R.S. ORGANIZATIONAL-METHODS FUNDAMENTALS OF JUDICIAL PSYCHO-PHYSIOLOGICAL EXPERT EXAMINATION WITH APPLICATION OF A POLYGRAPH

№ 437 о порядке использования полиграфа при опросе граждан. В настоящее время метод психофизиологических исследований с применением полиграфа нарастающими темпами внедряется в практику работы правоохранительных органов и других федеральных ведомств РФ.

В последние годы наблюдается увеличение перечня судебных экспертиз. Появляются экспертизы, связанные с исследованием организма и психики человека [14, с. 31–33]. Одной из таких экспертиз является судебно-психофизиологическая экспертиза с применением полиграфа (далее — СПфЭ), базирующаяся на «Теоретической концепции целенаправленного тестирования памяти», разработанная Ю.И. Холодным в 1987 г. [15, с. 82].

Впервые в нашей стране СПфЭ была проведена в 2001 г. экспертами государственного судебно-экспертного учреждения Института криминалистики ФСБ России [6, с. 314]. За прошедшее десятилетие накоплен значительный опыт производства СПфЭ с применением полиграфа, который убедительно показал, что этот вид экспертизы востребован судебной и следственной практикой: известны многие десятки случаев, когда результаты СПфЭ были признаны доказательствами судами различных инстанций, в том числе двумя коллегами Верховного Суда Российской Федерации [19, с. 109].

В 2004 г. в Министерстве образования Российской Федерации были утверждены Государственные требования к минимуму содержания и уровню требований к специалистам для получения дополнительной квалификации «Судебный эксперт по проведению психофизиологического исследования с использованием полиграфа».

В 2009 г. специалисты-полиграфологи появились в подразделениях Следственного комитета Российской Федерации [5, с. 14], а в 2010 г. для повышения научно-методического обеспечения производства СПфЭ в Региональном учебно-научном центре «Безопасность» МГТУ им. Н.Э. Баумана было проведено первое в России обучение по «Программе повышения квалификации специалистов, осуществляющих криминалистические исследования с применением полиграфа в процессуальных условиях и адвокатской практике». Целью обучения было получение специалистами систематизированных знаний по теории и практике производства СПфЭ с применением полиграфа. Кроме того, с декабря 2012 г. в РУНЦ «Безопасность» реализуется программа дополнительного профессионального образования «Программа повышения квалификации специалистов, осуществляющих криминалистические исследования с применением полиграфа по поручениям следственных подразделений». Слушателями программы являются сотрудники Следственного комитета Российской Федерации. Планируется, что полученные знания будут применяться ими в процессуальных условиях при расследовании уголовных дел.

Криминалистические исследования с применением полиграфа не остались без внимания ученых, которые определили, что они являются одним из

«нетрадиционных средств получения значимой для расследования преступлений информации», и рассмотрели возможности применения полиграфа в процессуальных условиях, в том числе в форме судебной экспертизы [1, с. 412–419].

В 2006 г. вышло первое издание монографии Л.А. Суворовой «Идеальные следы в криминалистике», которая представляет собой комплексное исследование широкого круга теоретических и практических криминалистических проблем, связанных с использованием в процессе расследования преступлений информации, содержащейся в памяти человека; на основании которого разработаны соответствующие практические рекомендации. Автор рассматривает тактико-технические способы обнаружения идеальных следов преступления, в частности с помощью полиграфа. А в 2008 г. криминалистические исследования с применением полиграфа впервые были включены в учебник криминалистики как самостоятельное направление раздела «Криминалистическая техника» [6].

Кроме фактов, перечисленных выше, на развитие применения СПфЭ в нашей стране влияние оказало гораздо большее количество событий, описание которых не может поместиться в журнальной статье. В настоящее время можно с уверенностью констатировать, что применение полиграфа в правоприменительной практике в форме судебно-психофизиологических экспертиз ширится из года в год.

II. Научные основы СПфЭ с применением полиграфа

Несмотря на достигнутые очевидные успехи в применении судебно-психофизиологических экспертиз, эксперты-полиграфологи зачастую сталкиваются с непониманием юристами-практиками — следователями, дознавателями, прокурорами, судьями и адвокатами научных основ СПфЭ. Так, автору этой статьи неоднократно приходилось слышать, что психофизиологическая экспертиза «не предусмотрена УПК», «нет закона о полиграфе» или что выяснение наличия в памяти человека информации о событии преступления — «это вопрос к Богу, возложенный на эксперта».

В этой связи представляется необходимым помочь юристам-практикам разобраться в научно-методических основах СПфЭ с применением полиграфа.

Любое преступление является для юристов ретроспективным событием, независимо от того, сколько времени прошло после его совершения — сутки, месяц, год, а потому судить о нем возможно лишь по дошедшим до них признакам преступления, по которым это прошлое и надлежит восстановить, познать, представить [2, с. 52]. Преступление протекает в материальной среде и вызывает совокупность причинно-связанных изменений — следы преступления. Это определяет то центральное место, которое занимают в криминалистике понятие «след» и механизмы следообразования [13, с. 6]. Следователь наблюдает не само событие преступления, а лишь изучает следы-отображения, возникшие в материальном мире и в

сознании людей — участников уголовного судопроизводства.

В криминалистике все следы преступлений делятся на два класса: материальные — представляющие результат взаимодействия различных материальных объектов, и идеальные — мысленные образы, запечатленные и хранящиеся в памяти человека.

Известный юрист Л.А. Суворова характеризует идеальные следы преступления следующими признаками:

1) идеальные следы (как и материальные) содержат в себе информацию об определенном событии применительно к процессу расследования, т.е. криминалистически значимую информацию;

2) содержащаяся в этих следах информация воспринята и отражена именно человеком;

3) человек воспринимает информацию с помощью органов чувств, в первую очередь с помощью зрения и слуха;

4) информация представляется в виде мысленных (памятных) образов (идеалов);

5) информация должна быть воспроизведена в доступной исследованию форме. Преимущественно информация передается (воспроизводится) в устной или письменной форме;

6) информация может быть извлечена из памяти человека средствами, допустимыми для использования в уголовном судопроизводстве, например, путем допроса, предъявления для опознания, в отдельных случаях с помощью полиграфа [13, с. 32].

Идеальные следы события преступления недоступны для непосредственного восприятия, поскольку содержатся в памяти человека. Их содержание может быть раскрыто лишь в процессе получения информации от лиц, являющихся носителями следов памяти: в ходе допроса, очной ставки, проверки показаний на месте, предъявления для опознания и других следственных действий вербального характера.

Процесс воспроизведения идеальных следов, например при даче показаний в ходе допроса, является субъективным актом, и контролировать его в полной мере внешний наблюдатель (следователь, судья) не может. Обладатель этих следов (обвиняемый, подозреваемый, свидетель и потерпевший) воспроизводит их бесконтрольно, по своему усмотрению и может умышленно их исказить. При отсутствии у следователя или судьи информации, поступившей из независимых источников, оценить качество таких воспроизведенных идеальных следов порой невозможно.

В таких ситуациях применение СПфЭ качественно изменило существовавшее положение. Появилась возможность выявлять в памяти человека идеальные следы скрываемых им обстоятельств или событий преступления, применение СПфЭ сделало идеальные следы памяти доступными объективному изучению, а также позволило обнаружить наличие (или отсутствие) умышленных искажений при воспроизведении основных, принципиально важных обстоятельств для раскрытия и расследования преступления [16, с. 59].

Судебно-психофизиологическая экспертиза с применением полиграфа — это криминалистическое исследование, направленное на обнаружение наличия (или отсутствия) в памяти человека идеальных следов (мысленных образов) событий.

Память — это особая форма психического отражения действительности, которая представляет собой совокупность тесно взаимосвязанных процессов, обеспечивающих закрепление, сохранение и последующее воспроизведение информации [7, с. 190]. События (явления, предметы, объекты) внешнего мира воспринимаются человеком различными органами чувств и запечатлеваются в его памяти в виде тех или иных образов. Воспринятая информация в результате деятельности различных структур мозга трансформируется в совокупную активность множества нейронов, которые образуют нейрональный след того или иного события в виде энграммы (т.е. следа памяти, сформированного в результате получения какой-то информации). Это нейрофизиологическое отражение конкретного внешнего события предстает в сознании человека как образ этого события [17, с. 30].

Среди основных задач, решаемых экспертами, по характеру основных целей экспертного исследования можно выделить идентификационные задачи — направленные на отождествление объекта по его отображениям (следам); и диагностические задачи — которые состоят в выявлении: механизма события, времени, способа и последовательности действий, событий, явлений, не поддающихся непосредственному восприятию [12, с. 24–30].

Поскольку СПфЭ с применением полиграфа имеет дело только с идеальными следами событий прошлого, которые недоступны для непосредственного восприятия и принципиально не подвержены идентификации, становится очевидным, что в ходе СПфЭ могут осуществляться исключительно диагностические исследования.

Объекты криминалистической диагностики, в зависимости от их роли в диагностическом процессе, подразделяются на два класса — диагностируемые и диагностирующие [12, с. 31].

Диагностируемыми объектами, с которыми приходится иметь дело в ходе СПфЭ, являются идеальные следы произошедших ранее событий. Для поиска в памяти человека этих следов в диагностических целях могут использоваться диагностирующие объекты — вопросы тестов программы СПфЭ, каждый из которых охватывает отдельный элемент, обстоятельство или характеристику события, а также предметы, связанные с событием преступления.

В случае обращения в ходе СПфЭ к памяти человека с помощью диагностирующего объекта, обращенного на поиск следов юридически значимого события (характеризуемого семантическим понятием, описывающим это событие или какие-то его обстоятельства), его психика воспринимает это воздействие и реагирует на него.

Если такое обращение к памяти происходит методически корректно, а человек скрывает устанавливаемое юридически значимое событие, диагно-

стирующий объект встречает соответствующий ему диагностируемый объект, и происходит сравнение их содержаний (смысла). Результатом такого сравнения является активизация следа памяти, образа устанавливаемого события (процесс воспоминания). Это сопровождается дополнительной нейронной активностью структур мозга, участвующих в этом процессе — и, как следствие, полиграф регистрирует у человека более выраженные физиологические реакции, которые появляются независимо от его воли и желания и свидетельствуют о наличии в памяти идеального следа юридически значимого события.

Если обращение к памяти происходит методически корректно, но человек не причастен к устанавливаемому юридически значимому событию и ничего не скрывает об этом в ходе СПфЭ, диагностирующий объект не находит соответствующий ему диагностируемый объект. В результате нейронные структуры мозга, участвующие в этом процессе, не получают дополнительной активации и полиграф не регистрирует выраженные физиологические реакции при предъявлении человеку диагностирующего объекта [17, с. 31].

При этом количественные и качественные характеристики физиологических реакций, регистрируемых полиграфом при производстве СПфЭ, являются диагностическими признаками, свидетельствующими о наличии или отсутствии в памяти человека диагностируемого объекта [4, 8, 20] — идеального следа события прошлого, являющегося носителем криминалистически значимой информации.

Учитывая, что эксперт-полиграфолог имеет дело с идеальными следами событий прошлого, хранящимися в памяти конкретного человека, можно констатировать следующее.

1. Предметом СПфЭ с применением полиграфа является установление фактических данных о наличии в памяти человека следов событий прошлого.

2. Объектом СПфЭ с применением полиграфа является память человека как неотъемлемая составная часть его психики.

3. Экспертной задачей СПфЭ с применением полиграфа является диагностирование наличия в памяти информации, которую несет в себе идеальный след преступления:

— о совершении подэкспертным действий, связанных с событием преступления;

— об осведомленности подэкспертного о каких-либо обстоятельствах события преступления [9, 17, 18].

III. Использование сведений, полученных в результате применения полиграфа

Теперь следует обратиться к вопросу о том, каким образом юристы-практики могут использовать возможности судебно-психологической экспертизы с применением полиграфа в своей повседневной работе.

В соответствии со ст. 73 УПК РФ «Обстоятельства, подлежащие доказыванию», при производстве по уголовному делу подлежит доказыванию событие преступления: время, место, способ и другие

обстоятельства совершения преступления — т.е. события прошлого. Таким образом, суду, прокурору, следователю, дознавателю необходимо установить события прошлого (обстоятельства, подлежащие доказыванию), участником или свидетелем которых явился обвиняемый, подозреваемый, свидетель и потерпевший.

При этом ст. 74 УПК РФ «Доказательства» констатирует, что доказательствами являются любые сведения, на основе которых суд, прокурор, следователь, дознаватель, устанавливает наличие или отсутствие обстоятельств, подлежащих доказыванию, а также иных имеющих значение обстоятельств. В качестве доказательств допускаются заключение и показания эксперта.

Понятие «судебная экспертиза» определяет ст. 9 Федерального закона от 31 мая 2001 г. № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации»: это процессуальное действие, состоящее из проведения исследований и дачи заключения экспертом по вопросам, разрешение которых требует специальных знаний в области науки, техники, искусства или ремесла и которые поставлены перед экспертом судом, судьей, органом дознания, лицом, производящим дознание, следователем или прокурором, в целях установления обстоятельств, подлежащих доказыванию по конкретному делу.

Приведенные положения законов предполагают, что юристу-практику требуется содействие эксперта-полиграфолога в установлении обстоятельств, подлежащих доказыванию, т.е. последний в результате производства СПфЭ с применением полиграфа должен предоставить суду, прокурору, следователю и дознавателю сведения, на основе которых они смогут установить события прошлого.

Хорошо известно, что психическим процессом, непосредственно связанным у человека с событиями прошлого, является его память. Как было сказано выше, обстоятельства, подлежащие доказыванию, воспринимаются участником судопроизводства различными органами чувств и запечатлеваются в его памяти в виде образов: энграмм — с точки зрения психофизиологии или идеальных следов преступления — с точки зрения криминалистики.

Исходя из «Теоретической концепции целенаправленного тестирования памяти», при производстве СПфЭ, с соблюдением корректных условий исследования (т.е. целенаправленного исследования памяти), полиграфолог выделяет и регистрирует физиологические реакции, связанные с активацией идеального следа в памяти — энграммы, а также иных процессов, сопровождающих эту активацию. Поскольку энграмма является носителем информации о событиях прошлого, то эксперт-полиграфолог, наблюдая динамику реакций подэкспертного лица, может установить, обнаруживается ли в его памяти криминалистически значимая информация об обстоятельствах преступления.

Обобщая все изложенное, вопросы, выносимые на разрешение эксперта-полиграфолога, рекомендуется ставить примерно в следующей редакции:

Обнаруживается ли в памяти Жоржа Шарля Дантеса информация о том, что он производил выстрел из пистолета в Пушкина Александра Сергеевича 27 января 1837 года?

Обнаруживается ли в памяти Данзаса Константина Карловича информация о том, что он видел, как Жорж Шарль Дантес произвел выстрел в Пушкина Александра Сергеевича 27 января 1837 года?

Выводы об обнаружении или о необнаружении в памяти информации о событии преступления передаются лицу, назначившему СПФЭ с применением полиграфа. Далее, основываясь на общеизвестных принципах запечатления в памяти информации, юристы-практики используют полученные выводы для установления обстоятельства, подлежащего доказыванию. Если в памяти участника судопроизводства обнаружена информация о событиях преступления, то это обусловлено восприятием органами чувств подэкспертного лица обстоятельств, подлежащих доказыванию, характеризующих устанавливаемое событие, и находится в прямой причинно-следственной связи с объективной реальностью этого события в прошлом. Если в памяти участника судопроизводства не обнаружена информация об обстоятельствах события преступления, то это обусловлено отсутствием восприятия органами чувств подэкспертного лица обстоятельств, подлежащих доказыванию, характеризующих устанавливаемое событие, и находится в прямой причинно-следственной связи с объективной реальностью отсутствия этого события в прошлом.

Таким образом, основываясь на сведениях, полученных в результате использования специальных знаний в области психофизиологических исследований с применением полиграфа и изложенных в заключении и показаниях эксперта, юристы-практики устанавливают наличие или отсутствие обстоятельств, подлежащих доказыванию, а также иных обстоятельств, имеющих значение при производстве по уголовному делу. Особо следует подчеркнуть, что в настоящее время только «Теоретическая концепция целенаправленного тестирования памяти» научно обоснована и адаптирована для использования при производстве СПФЭ.

Вхождение судебно-психофизиологической экспертизы в систему методов и средств криминалистики дало возможность объективно выявлять и исследовать идеальные следы событий, хранящихся в памяти человека.

IV. Организационные аспекты СПФЭ с применением полиграфа

Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации рассматривает судебно-психофизиологическую экспертизу с применением полиграфа как необязательную. СПФЭ может быть проведена только при наличии добровольного согласия подэкспертного лица на участие в таком исследовании. «Данный принцип является основополагающим, — отмечает Ю.И. Холодный, — он определяется не только морально-этическими причинами и необходимостью соблюдения прав и свобод человека, но и самой технологией

ОИП (опроса с использованием полиграфа. — И.Р.). Согласно установившимся в мировой и отечественной практике правилам, полиграфолог информирует опрашиваемое лицо в ходе предтестовой беседы, что последний в любой момент может прервать тестирование на полиграфе и отказаться от дальнейшего участия в этой процедуре» [6, с. 307]. В том случае, если подэкспертный не дал согласия на участие в СПФЭ, то он просто откажется от сотрудничества с экспертом: не станет садиться в кресло, отвечать на вопросы, не даст надеть на себя датчики и т.п.

Судебно-психофизиологическая экспертиза с применением полиграфа может быть проведена в отношении подозреваемого, обвиняемого, свидетеля, потерпевшего. В случае отказа подозреваемого или обвиняемого от проведения в отношении него экспертизы исследование может быть назначено другим участникам уголовного процесса — потерпевшим или свидетелям, которые, как правило, не отказываются от прохождения СПФЭ и дают согласие на ее проведение.

Судебно-психофизиологическая экспертиза с применением полиграфа может быть передана в государственное судебно-экспертное учреждение, а также иному эксперту, не являющемуся государственным судебным экспертом, но обладающему специальными знаниями в сфере проведения СПФЭ.

В соответствии со ст. 57 УПК РФ «эксперт — лицо, обладающее специальными знаниями...». Из этого следует, что производство СПФЭ с применением полиграфа должно быть поручено лицу, обладающему специальными знаниями в сфере психофизиологических исследований с применением полиграфа. Поэтому юрист-практик при выборе эксперта должен удостовериться в том, что он будет иметь дело с компетентным экспертом. Поскольку в условиях назначения СПФЭ весьма затруднительно оценить фактический профессионализм полиграфолога, то необходимо хотя бы оценить его компетентность с формальной стороны.

С этой целью следует запросить у потенциального эксперта сведения, касающиеся возможности производства данной экспертизы, а также сведения о полиграфологе, в том числе его фамилию, имя, отчество, образование, специальность, стаж работы в качестве судебного эксперта, иные данные, свидетельствующие о его компетентности и надлежащей квалификации, а также документы, подтверждающие его профессиональную подготовку, и тщательно изучить их.

Прежде всего следует обратить внимание на название образовательной программы в области применения полиграфа, указанной в образовательном документе. Оно должно соответствовать тому виду деятельности, который юрист-практик планирует поручить потенциальному эксперту, а именно — проведение психофизиологической экспертизы с применением полиграфа.

Как известно, полиграф широко применяется не только в правоприменительной практике, а прежде всего в кадровой работе коммерческих организаций

с целью профилактики правонарушений, наносящих ущерб безопасности предприятий [3, с. 99–107], поэтому многие образовательные учреждения реализовывали программы подготовки, направленные на удовлетворение запроса общества именно в этой сфере. Очевидно, что нельзя считать адекватным для проведения СПФЭ наличие подготовки в областях применения полиграфа по направлениям, не связанным с производством психофизиологической экспертизы. Например: «*управление персоналом с применением полиграфа*», «*компьютерные полиграфные системы*», «*кадровый отбор с применением полиграфа*» и т.п. Привлечение эксперта к производству судебной экспертизы с подобной подготовкой может привести к даче им недостоверных выводов, а также к ошибкам методического и процессуального характера, что в свою очередь потребует исключения заключения эксперта из доказательной базы по делу и нанесет ущерб репутации юриста-практика, поручившего производство СПФЭ такому эксперту.

Если представленные образовательные документы полиграфолога выданы до 01.09.2013 г.,¹ то они должны отвечать требованиям, предъявляемым к документам государственного образца, и соответствовать положениям Постановления Госкомвуза РФ от 27 декабря 1995 г. № 13 «Об утверждении форм документов государственного образца о повышении квалификации и профессиональной переподготовке специалистов и требований к документам». Если потенциальный эксперт располагает документами не государственного, а иного образца, то это означает, что он обучался по образовательным программам, не имеющим государственной аккредитации, а значит, не соответствующим федеральным государственным стандартам, действующим в сфере образования. В государственных организациях, осуществляющих судопроизводство, привлечение полиграфологов с документами негосударственного образца недопустимо.

Следует отметить, что документы государственного образца вправе выдавать как государственные, так и негосударственные образовательные учреждения. Для этого им необходимо иметь лицензию на право ведения образовательной деятельности и свидетельство о государственной аккредитации, полученные в Федеральной службе по надзору в сфере образования и науки (Рособрнадзор). Поэтому, даже при наличии у полиграфолога документов государственного образца, целесообразно запросить в Рособрнадзоре копию лицензии с перечнем образовательных программ, допущенных к реализации, а также копию свидетельства о государственной аккредитации образовательного учреждения, действующих в период реализации образовательной программы и выдачи образовательного документа. Эти меры дадут возможность установить, был ли документ государственного образца выдан в соответствии с условиями лицензирования и аккредитации образовательного учреждения, что в свою очередь позволит судить о компетенции полиграфолога.

Таким образом, для производства психофизиологической экспертизы с применением полиграфа потенциальный эксперт должен иметь подготовку, связанную с производством психофизиологической экспертизы, свидетельствующий об этом образовательный документ государственного образца, законность выдачи которого подтверждена наличием лицензии и государственной аккредитации у образовательного учреждения, выдавшего его.

По мнению автора статьи, также необходимым условием для поручения эксперту производства СПФЭ является стаж работы в качестве полиграфолога — не менее пяти лет. При несвоевременном выяснении юристами-практиками требуемой компетенции у потенциального эксперта выполненное им исследование может не отвечать требованиям, предъявляемым к судебной психофизиологической экспертизе, и, как следствие, такое заключение эксперта может быть исключено из доказательств по делу.

В том случае, если юрист-практик назначает проведение СПФЭ с применением полиграфа в государственном судебно-экспертном учреждении, государственный эксперт должен иметь документ, выданный экспертно-квалификационной комиссией, о присвоении ему права на самостоятельное производство психофизиологической судебной экспертизы. Такой документ выдается на пять лет и свидетельствует, что эксперт прошел подготовку по экспертной специальности в порядке, установленном нормативными правовыми актами соответствующих федеральных органов исполнительной власти.

В настоящее время судебно-психофизиологическая экспертиза с применением полиграфа проводится в некоторых государственных судебно-экспертных учреждениях. Так, например, СПФЭ с применением полиграфа непосредственно включена в Перечень родов (видов) судебных экспертиз, производимых в экспертных подразделениях органов ФСБ России [11] и Министерства обороны Российской Федерации, также она может проводиться в экспертных подразделениях Министерства юстиции Российской Федерации [10].

В 2013 г. в различных регионах России уже проведены сотни СПФЭ. Результаты многих из них были признаны доказательствами судами различных инстанций, в том числе — Военной коллегией и Коллегией по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации. По мнению Ю.И. Холодного, исследование с применением полиграфа в форме судебно-психофизиологической экспертизы является наиболее перспективным для процессуальной практики. [6, с. 314].

Литература

1. Аверьянова Т.В., Белкин Р.С., Корухов Ю.Г., Россин Е.Р. Криминалистика. М., 2000.
2. Белкин Р.С. Криминалистика: проблемы сегодняшнего дня. М., 2001.
3. Гамза В.А., Холодный Ю.И. Применение полиграфа при обеспечении безопасности коммерческого банка // Оперативное управление и стратегический менеджмент в коммерческом банке. 2004. № 1 (17).

4. Ефремов И.А. Есть ли у полиграфа научная основа? // Новая адвокатская газета. 2011. № 9.
5. Иванов Р.С. Общая оценка пригодности исследуемого лица к применению полиграфа // Юридическая психология. Научно-практическое и информационное издание. 2011. № 2. С. 14–21.
6. Криминалистика : учебник / под ред. А.Ф. Волынского, В.П. Лаврова. М. : Закон и право, 2008.
7. Марютина Т.М., Ермолаев О.Ю. Введение в психофизиологию. 4-е изд., испр. М. : Московский психолого-социальный институт : Флинта, 2004.
8. Орлов Ю.К., Холодный Ю.И. Процессуальные проблемы применения полиграфа при расследовании уголовных дел // Актуальные проблемы применения норм уголовно-процессуального права при расследовании преступлений : материалы международной научно-практической конференции (Москва, 26 октября 2012 г.). М. : ООО «Буки Веди», 2012.
9. Орлов Ю.К., Холодный Ю.И. Судебно-психофизиологическая экспертиза с применением полиграфа: проблема допустимости // Вестник Академии экономической безопасности МВД России. 2009. № 12. С. 83–88.
10. Об утверждении Перечня родов (видов) экспертиз, выполняемых в государственных судебно-экспертных учреждениях Министерства юстиции Российской Федерации, и Перечня экспертных специальностей, по которым предоставляется право самостоятельного производства судебных экспертиз в государственных судебно-экспертных учреждениях Министерства юстиции Российской Федерации : Приказ Минюста РФ от 14 мая 2003 г. № 114.
11. Об организации производства судебных экспертиз в экспертных подразделениях органов федеральной службы безопасности : Приказ Федеральной службы безопасности Российской Федерации от 23 июня 2011 г. № 277.
12. Россинская Е.Р. Судебная экспертиза в гражданском, арбитражном, административном и уголовном процессе. М., 2005.
13. Суворова Л.А. Идеальные следы в криминалистике. М. : Юрлитинформ, 2010.
14. Холодный Ю.И., Николаев А.Ю. Психофизиологическая экспертиза — первый опыт применения // Запросы практики — движущая сила развития криминалистики и судебной экспертизы : материалы Криминалистических чтений. М., 2003.
15. Холодный Ю.И. Опрос с использованием полиграфа и его естественно-научные основы // Полиграф в России 1993–2008 : ретроспективный сборник научных статей, посвященный 15-летию применения полиграфа в РФ. М. : Изд-во МГТУ им. Н.Э. Баумана, 2008. С. 60–86.
16. Холодный Ю.И. Опрос с использованием полиграфа и компетенция полиграфолога // Вестник Академии экономической безопасности МВД России. 2009. № 8.
17. Холодный Ю.И. Судебно-психофизиологическая экспертиза: период становления. Статья первая // Вестник криминалистики. 2008. Выпуск 1 (25). С. 25–33.
18. Холодный Ю.И. Судебно-психофизиологическая экспертиза: период становления. Статья вторая // Вестник криминалистики. 2009. Выпуск 1 (29). С. 50–59.
19. Холодный Ю.И. Трудности на пути внедрения в практику экспертизы с применением полиграфа // Вестник Академии экономической безопасности МВД России. 2010. № 5.
20. Шипшин С.С. К вопросу о предмете и объекте комплексной психолого-психофизиологической экспертизы // Коченовские чтения «Психология и право в современной России» : материалы Всероссийской конференции по юридической психологии (с международным участием). М. : МГППУ, 2012.

¹ 01.09.2013 вступает в силу Федеральный закон Российской Федерации от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации», предусматривающий иную нормативно-правовую базу, регламентирующую выдачу образовательных документов.

ПРОБЛЕМА ЛЖИ В ПСИХОЛОГИИ*

Мымрин Александр Валерьевич,
генеральный директор
ООО «Школа современных психотехнологий»
Psychool@inbox.ru

Статья раскрывает основные онтологические принципы существования лжи и условия ее проявления в жизнедеятельности человека. Предложен авторский подход к анализу и оценке лживого поведения человека. Содержательно раскрыты особенности познания, переживания, проживания лжи. Вскрыты условия, при которых возможна предметная диагностика и коррекция лживого поведения. Определены качественные параметры деятельности специалиста-полиграфолога. Показаны возможности и ограничения использования «детектора лжи» в диагностической практике специалиста.

Ключевые слова: истина, ложь, обман, признаки лжи, познание лжи, переживание лжи, проживание лжи, детектор лжи, полиграф, диагностика лжи.

The article reveals the fundamental ontological principles of existence of a lie and the conditions of manifestation thereof in life of a human being; proposes the author's approach to the analysis and evaluation of a deceitful behavior of a human being; reveals the peculiarities of perception, experience, living of lie; shows the conditions when the subject diagnostics and correction of a deceitful behavior are possible; determines the quality parameters of activity of polygraph-specialist; shows the possibilities of limitations of use of "lie-detector" in diagnostic practice of a specialist.

Key words: truth, lie, deceit, features of a lie, perception of a lie, lie experience, living of a lie, lie detector, lie diagnostics.

* MYMRIN A.V. PROBLEM OF LIE IN PSYCHOLOGY

Естественное состояние природы — это правда (истина). Наше бытие определяется необходимостями, вне зависимости от того, знаем мы о них или нет. Именно эти «необходимости» я и определяю как правду. Правду жизни, правду мироздания, правду дел и помыслов, словом, правду всего сущего на планете. Не случайно слово «истина» этимологически восходит к старославянскому слову «есте» (*устар., совр. «есть»*) — в значении «существовать», «являться».

Одной из таких необходимостей бытия является необходимость быть проявленным, выраженным, узнаваемым, а следовательно, существующим, как говорил М.М. Бахтин — «со-бытийным».

Всеобщая тенденция мира событийствовать ставит предмет нашего исследования — «ложь» — вне закона естественности и тем больше подогревает познавательный, а зачастую и нравственный интерес к себе.

Ложь — артефакт. «Шила в мешке не утаишь» — гласит народная мудрость, «тайное всегда становится явным» — вторит другая. Мораль одна: правда всегда найдет дорогу, вопрос только времени.

В чем содержание и смысл той, порой очень тяжелой работы, которую выполняет ложь в жизни людей? Постараемся описать изначальную для анализа, типичную ситуацию.

Любой человек имеет реальные или воображаемые основания для того, чтобы скрыть некоторую

часть своего персонального опыта от окружающих. Сразу подчеркнем, имеет на это человеческое право. Тайна и неприкосновенность частной жизни закреплены конституционно.

В данной ситуации человека, намеревающегося скрыть или исказить некоторую часть опыта, мы будем называть субъектом лжи, а то содержание, которое подлежит сокрытию или искажению, — предметом лжи. Ситуация была бы неполной без адресата этого послания — объекта лжи или обмана, но он в нашей ситуации в большей степени наблюдатель, а не активный участник, и ему отведем скромное место в изложении — быть свидетелем.

Отношения между этими участниками ситуации складываются весьма сложные.

Предмет лжи, в отличие от его носителя, устремлен наружу, стремится быть осуществленным, узнаваемым, а «хозяин» этого действия принимает все меры к тому, чтобы не дать развернуться этому «спектаклю». Подобное рассогласование разнонаправленных тенденций приводит к возникновению необходимых условий, без которых ложь не сможет реализовать свое существование.

Постараемся проследить онтологию лжи на всем пространстве ее осуществления.

Какие варианты, изначальные для психологического анализа, мы имеем?

Ситуация	S _{лжи}	ПР _{лжи}	О _{лжи}	Состояние
Познание лжи	-	-	+	Ложь
Переживание лжи	+	+	+	Обман
Проживание лжи	+	-	-	Истина

1. Познание лжи

Субъект и объект есть — лжи нет. Вернее, субъекту ложь как таковая не известна, он ее не различает, а следовательно, для него ложь пока не существует. В классическом случае — это ребенок в бытовой ситуации. По своему психологическому возрасту ему еще рано отличать правду от лжи, он только учится это делать.

Ребенок, чтобы узнать, почувствовать существование правды, должен хотя бы раз обмануть, соврать — и только в этом случае получит возможность узнать и оценить ее (правды) естество. Особо интересно в этом контексте обратить внимание на содержание и психологический смысл детских сказок, в которых ребенок получает едва ли не первый опыт «правды — лжи». Обыватель скажет: «Как же так? Иван-дурак — ленивый, безответственный, «недалекого ума» человек, а является героем многих народных сказаний. Чему же может научить детей такой опыт? В чем польза таких сказок?»

Ответ очевиден. «Сказка — ложь, да в ней намек, добрым молодцам урок» — гласит народная мудрость. От «обратного» опыта становится понятным и доступным нормальное, естественное. Детское мышление парадоксально, а проблема «оборотничества» — контрапункт его развития.

А.Н. Леонтьев, один из основателей московской психологической школы, первый декан факультета психологии МГУ, пояснял эту ситуацию на другом

примере, который вошел в историю психологической науки под названием «эффекта горькой конфеты».

В классе, где будет происходить эксперимент, кроме А.Н. Леонтьева (объект лжи) находится 4-летняя девочка (субъект лжи), которой будет предложено участвовать в игре, предполагающей соблюдение правил, социальных установок, чаще запретов (предмет лжи), а значит, выбора. В примере А.Н. Леонтьева — нравственного выбора. Девочке предлагают, не вставая с места, достать предмет — книгу, находящуюся на значительном, недостижимом для нее расстоянии. В качестве приза за выигрыш — конфета. Данные условия ребенком приняты. Игра от «обратного» уже началась. А.Н. Леонтьев находится в классе и наблюдает за происходящим.

Я думаю, что читатель уже догадывается, что в данной ситуации девочке не удастся выиграть. Очевидно, что ей мешает присутствие взрослого. А.Н. Леонтьев это хорошо понимает и выходит из класса, обещая скоро вернуться. Игра продолжается. Наступила классическая ситуация. Для ребенка ситуация понятна. Она одна. Очень хочется выиграть. Никого нет, никто не увидит и не узнает, как достигалась победа, а значит...

Через некоторое время А.Н. Леонтьев заходит в класс и видит радостное лицо девочки с книгой в руках и на условленном месте. Не подавая вида о том, что обман вскрыт, он начинает ее хвалить за

успех в этой игре и, как победителю, вручает конфету. Короткая пауза — и конфета уже во рту. А чуть позже, в полной тишине, на глазах у ребенка появляются слезы. Конфета по своему смыслу стала горькой, она получена незаслуженно, путем нарушения социальной договоренности, обмана. Вот ситуация («ситуация горькой конфеты»), о которой исследователь скажет: «...личность родилась в первый раз, испытав муки совести». Урок правды состоялся. Что будет дальше — покажет время, но впереди еще второе рождение личности. Оно, возможно, произойдет, но уже в принципиально иной ситуации. Ситуации индивидуального, глубоко осознанного, пережитого личностью выбора.

А пока перед нами ребенок, получивший «прививку ото лжи», без всякой гарантии быть пораженным этим вирусом вновь.

Взрослому человеку такая возможность тоже дается. Не все и не всегда, к сожалению, используют «его величество случай» для того, чтобы испытать прекрасное и невероятное по силе и глубине, освобождающее чувство правды. Чувство, в котором и реализует себя смысл человеческого существования.

2. Переживание лжи

Вторая, по логике изложения, ситуация очевидна — субъект уже обрел опыт лжи. Предстоит большой и трудный путь по внутренней, эмоциональной переработке полученного опыта, его переживания. Эмоциональный, еще до конца не осознанный разговор с самим собой. В нашем анализе действующие стороны: субъект, объект и предмет лжи — в наличии, но совпадают респондент и адресат. «Я» должно скрыть от самого себя предмет лжи.

Как быть в тех случаях, когда субъект и объект лжи совпадают?

Очень часто мы попадаем в ловушку, выход из которой дается с большим трудом. Эта ловушка имеет название — самообман. Сам себя обманул. «Это как? Зачем? Почему?» — спросите вы. На языке специалиста-психолога ответ на эти вопросы будет звучать весьма лаконично: включился в работу защитный механизм.

В словарях защитный механизм определяется как способ устранения или сведения к минимуму негативных переживаний, сопряженных с внутренними или внешними конфликтами, состояниями тревоги и дискомфорта.

И снова вопросы: что защищается и от чего?

А главное: как избежать этого? Вопросов больше, чем ответов.

Опыт лжи получен, но он эмоционально неприемлем. Наше «Я» будет защищаться от этого переживания, с каждым разом совершенствуя способы его переживания, отдаления от себя, вплоть до полного запрета для сферы сознания. Нет переживания — нет и лжи. Субъект есть, ложь есть, но она неосознаваема. Это — классическая для защитного механизма работа. Если устранить переживание, скрывается и все содержание предмета лжи, с ним связанное.

Как правило, переживания представлены классической триадой (невротическая триада К. Ясперса): тревога, вина, стыд. Для нашего «Я» пред-

ставляют угрозу именно они, иллюзорно конечно. От этих «представителей лжи» и будет защищаться наше слабенькое, по утверждению З. Фрейда, «Я». Для простоты изложения в дальнейшем все связанные с этим переживания мы схематично и будем маркировать как «ложь».

Убрать ложь из сознания, перестать осознавать, вытеснить за пределы психической реальности — первый и далеко не безобидный способ манипуляций с ложью. Спрятал от сознания, но не избавился от нее. Оставил где? В теле. Ложь против естества! Она артефакт, следовательно, обязательно нарушит естественную работу организма. В движениях и конструкциях тела, в поведении, в психическом облике. Движения перестанут быть согласованными и гармоничными. Мимика, поза и жесты начнут противоречить друг другу, мешая выполнять привычную работу. Коррективы могут быть внесены как в работу всех систем организма, так и его отдельных органов. Сердцебиение, частота дыхания, кровотока, обмен веществ и т.д. изменят свой естественный ритм и обретут хаотичный, неуправляемый характер.

Известный гештальт-терапевт Ф.С. Перлз утверждал: «нарушение организма — признак подавления». Астма, сердечно-сосудистые заболевания, болезни органов пищеварения, интимной сферы и пр. — результат подавления.

Подобная защита в конечном итоге обрекает своего владельца на вынужденный отказ от подавления, а вместе с ним и возвращение былых дискомфортных переживаний.

Ложь, появившись в сознании, снова начнет свое противоестественное дело, нарушая нормальную (естественную) работу восприятия, мышления и речи, внимания, памяти.

Отрицание — один из распространенных приемов в этой ситуации. Отрицание — попытка неприятия источника угрозы как реального события. Источник угрозы появился в сознании, а значит, в речи. Но он по-прежнему незаметен, эмоционально неприемлем. Появился в речи — значит, будет нарушать ее, в той части, по убеждению З. Фрейда, где проблема: «...где логические ошибки, там и проблемы».

Ложь упорно будет давать о себе знать, заставляя автора подбирать варианты оправдания, подыскивая (т.е. рационализируя; *рационализация* — защитный механизм) «удобное объяснение» неудобному положению. Можно перенести предмет лжи на другой объект, тем самым снимая ответственность с себя (*проекция* также защитный механизм), можно заменить его противоположным (*инверсия* также является защитным механизмом). Но до конца защититься ото лжи все равно не удастся. В народе говорят: «от себя не убежишь». Логика происходящих событий будет диктовать психическому аппарату необходимость снижения чувствительности, а вместе с ней и регрессию способа реагирования на сам предмет лжи, а значит, заставит человека вернуться к ранним, незрелым моделям реагирования. Заплакать, убежать, спрятаться, замолчать тему — все это не спасет от переживаний, они вновь и вновь будут проникать

в чувственную ткань сознания, настойчиво предлагая разрешить проблему всерьез.

Это далеко не полный перечень способов, которыми пользуется «защитник лжи», оберегая себя от правды. Любая сфера жизнедеятельности человека может быть искажена «работой лжи», принося с собой перспективу разрушения духовного и материального состояния.

Таким образом, окрепшие и уже явно осязаемые, телесные, поведенческие, логические или моральные ошибки в сознании станут платой за отказ от правды и, в норме, должны поставить перед человеком серьезный «гамлетовский» вопрос: «Быть или не быть?», в мучительном ожидании часа для своего ответа.

3. Проживание лжи

Переживания лжи, манипуляции с ней результата не дали. Игры самообмана закончились. Ложь стоит на пороге своего выражения, с настойчивым устремлением быть узанной. Сознание решительно отказывается от этой головоломки. Пути отхода закрыты. Ситуация достигла своей неотвратимой точки — точки невозврата. В физическом мире эту ситуацию называют точкой бифуркации, местом, где пространственно-временные параметры субстанции принципиально меняют свои характеристики. В нашем случае это ситуация психологического тупика, где настойчивая квазипотребность естества правды сочетается с полным отсутствием средств ее выражения. «Как сказать? Что подумают? Какой позор!» — далеко не полный перечень выносимых самим человеком вердиктов, которые предвещают развязку этой драмы. Ситуация необходимости и невозможности, кризиса, в полном смысле слова, в развитии личности. Необходимость выразиться, с одной стороны, и мобилизация психических сил до своих предельных возможностей — с другой делают ситуацию уникальной. В ней появляется едва ли ни единственная возможность решения жизненной задачи, через проникновение в живую ткань самого переживания. Прожить ситуацию, «взорваться изнутри», по словам Ф. Перлза, значит получить персональный ответ на искомый вопрос, значит измениться. Само переживание становится целью и средством своего решения, а результатом — открытие и нравственное откровение правды в ответе на гамлетовский вопрос: «Быть, а не казаться!»

Индивидуальное, нравственное рождение личности, по словам А.Н. Леонтьева, состоялось во второй раз.

Картина будет неполной, если не зафиксировать случаи, когда искомый ответ складывается не в пользу правды. Прожив ситуацию, окунувшись в подлинность переживания, человек по какому-то парадоксальному закону, нелогичному стечению обстоятельств уже осознанно выбирает стратегию обмана, тем самым нравственно перерождаясь, закрепляя за собой статус лгуна. Психологический анализ обстоятельств этого события я оставляю за рамками данной статьи, экономя место для соображений практической направленности.

4. Ложь и полиграф

Сегодня многие приходят в трепет от того, что есть такая «машинка», которая в один миг может распознать ложь. Будто бы укрыться от ее «всевидящего ока» невозможно. Огромный отряд «ребятишек», обладая полиграфом и пользовательскими навыками общения с ПК, а иногда довольно серьезно — языком программирования, обещают вскрыть любой обман, распознать опытных, «матерых» лжецов. Так ли это?

Большие сомнения на сей счет вызывают ряд обстоятельств.

Первое. Полиграф — это всего лишь биологический усилитель с возможностью фиксации реакций испытуемого. Чем больше датчиков и каналов их обработки — тем круче, а соответственно, дороже прибор. И на этом, пожалуй, можно поставить точку в оценке его возможностей, поскольку все остальные возможности будут относиться к специалисту, в чьих руках он находится. Мы намеренно оставляем за скобками все технические, программные и прочие достижения в этой области, которые, конечно же, имеют место.

Итак, прибор фиксирует телесные реакции на предъявляемые стимулы. Почему тело отреагировало на данный вопрос? А на него ли оно отреагировало? А если и на него, то почему? А какие инварианты возможны? А почему так? Этот ряд вопросов бесконечен. И, не ответив на них, нельзя даже приблизительно что-то утверждать.

Необходимо знать язык эмоции, которая в этот момент заговорила в теле. И не только ее язык, но и правила, логику, по которым она, эмоция, живет. А это, позвольте, может сделать только специалист, хорошо разбирающийся в психологии.

Второе обстоятельство, не менее важное, определяется самим существом лжи. Ложь скрывает правду. Приемы и способы этого сокрытия отработаны и отточены жизненным опытом, прошли проверку на прочность, изящны в исполнении и правдоподобны по форме. А мы должны в короткое время лишиться ее этого богатого арсенала средств, обезоружить, создать условия, при которых ее действие станет неэффективным, а в некоторых случаях невозможным.

На языке психологов это состояние называется «измененным», аутотеллическим (не путать с гипнотическим), состояние готовности быть выраженным. В этих условиях правда заявит о себе сама. Очевидно, что без специальных знаний и соответствующих навыков, а порой и особой профессиональной способности — чувствительности, активировать это состояние в человеке невозможно. Но именно оно, по нашему мнению, является предельной необходимостью в детекции лжи.

Р.С. Будет ошибкой не отметить, что ложь находит свое оправдание в тех случаях, когда необходимо взять «передышку», остановиться и получить недостающее время на обдумывание выбора и принятие решения. Осмыслить происходящее и овладеть ситуацией в той степени, которая позволит в ней действовать. Это та ложь, которую обычно называют «ложью во спасение», ложь, которая создает смысловое пространство предстоящих решений, а главное, действий.

НАПРАВЛЕНИЯ ОПТИМИЗАЦИИ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО СОПРОВОЖДЕНИЯ СОТРУДНИКОВ ПОДРАЗДЕЛЕНИЙ ОХРАНЫ ФСИН РОССИИ*

Кокурин Алексей Владимирович,
профессор кафедры научных основ экстремальной
психологии факультета экстремальной психологии
Московского городского
психолого-педагогического университета,
доцент кафедры криминологии и уголовно-
исполнительного права Московского
государственного юридического
университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА),
кандидат психологических наук, доцент
extrim_dek@mail.ru

Овчарова Екатерина Владимировна,
преподаватель кафедры социальной психологии
и социальной работы Академии ФСИН России,
кандидат психологических наук

В статье анализируются результаты исследований авторов по прогнозированию профессиональной успешности сотрудников отделов охраны исправительных учреждений и следственных изоляторов и изучению социально-психологического климата в подразделениях охраны (2062 сотрудника из восемнадцати территориальных органов Федеральной службы исполнения наказаний России), а также диагностике и коррекции пограничных психических состояний сотрудников данных подразделений (372 сотрудника из четырех территориальных органов Федеральной службы исполнения наказаний России).

В предлагаемой статье определены критерии оценки психологической пригодности к охранному виду деятельности в условиях уголовно-исполнительной системы; на основе использования «Опросника изучения социально-психологического климата в спецподразделениях уголовно-исполнительной системы России» предложен комплекс мер, направленных на оптимизацию социально-психологического климата в отделах охраны исправительных учреждений и следственных изоляторов; в результате применения научно обоснованного и экспериментально апробированного диагностико-коррекционного комплекса рекомендована технология краткосрочной коррекции пограничных психических состояний сотрудников данных подразделений.

Ключевые слова: профессиональная деятельность, профессиональные требования, стресс-факторы, профессионально важные психологические качества, психодиагностическое обследование, анкета оценки экспертами профессионально значимых качеств сотрудников, прогнозирование, пошаговый метод анализа, регрессионный анализ, опросник изучения социально-психологического климата в спецподразделениях УИС, пограничные психические состояния сотрудников отделов охраны, технология краткосрочной коррекции.

The article analyzes the results of investigations carried out by the authors and aimed at predicting the link between professional success in security officers of correctional and pretrial detention centers and socio-psychological climate in security subdivisions (the sample included 2062 officers from 18 territorial bodies of Federal Penitentiary Service in Russia) as well as diagnostics and correction of borderline mental states of security personnel (372 officers from 4 territorial bodies of Federal Penitentiary Service in Russia).

The article suggests criteria of defining the psychological resistibility of security officers to conditions of penal correctional system; with an aid of "The survey for study of socio-psychological climate in security subdivisions of Federal Penitentiary Service in Russia" a set of measures aimed at optimization of socio-psychological climate in departments of security service in correctional facilities and pretrial detention centers is suggested; as a result of utilization of evidence based and empirically tested borderline mental states of security personnel it appeared possible to recommend an express technology for correcting borderline mental states in officers of security services.

Key words: professional occupation, occupational standards, stress-factors, professional, job relevant psychological qualities, psycho-diagnostic test, expert survey of professional qualities of employees, predicting, multistep method of analysis, regression analysis, survey for study of socio-psychological climate in security subdivisions of Federal Penitentiary Service, borderline mental states of security personnel, borderline mental states of security personnel, express correcting technologies.

* KOKURIN A.V., OVCHAROVA E.V. DIRECTIONS OF OPTIMIZATION OF PSYCHOLOGICAL SUPPORT OF EMPLOYEES OF SUBDIVISIONS OF GUARDIANSHIP OF THE FEDERAL AGENCY OF EXECUTION OF PUNISHMENTS OF RUSSIA

В условиях уголовно-исполнительной системы отделы охраны исправительных учреждений (ИУ) и следственных изоляторов (СИЗО) — одни из немногих подразделений, сотрудники которых постоянно несут службу с оружием.

Предполагается, что сотрудники данных подразделений должны обладать высоким уровнем самоконтроля, эмоциональной устойчивостью, отсутствием хронической тревожности, склонности к депрессивным состояниям и паническим реакциям. В межличностных отношениях они должны избегать конфликтов, проявлять склонность к сотрудничеству, гибкость в разрешении острых служебных ситуаций. Кандидаты на службу должны уметь быстро ориентироваться в сложной и динамичной оперативной обстановке, сохранять самообладание и способность к адекватному реагированию в экстремальных ситуациях, иметь оптимальную склонность к риску, владеть приемами самообороны, уметь применять физическую силу, специальные средства и оружие.

Предложенный перечень требований способствует обоснованному подбору тестовых методик при отборе в охранные подразделения, но необходимо также выяснить, какие поведенческие качества сотрудников охраны высоко ценятся их руководителями, в наибольшей степени отвечающими за эффективную работу этой службы.

Таким образом, *первое направление* оптимизации психологического сопровождения сотрудников подразделений охраны ФСИН России будет связано с прогнозированием их профессиональной успешности, основанной на экспертной оценке непосредственным начальником поведенческих (наблюдаемых) характеристик своих подчиненных. В качестве таких характеристик экспертам было предложено оценить прежде всего общепрофессиональные качества сотрудников, такие как отношение к работе, межличностные отношения, умственные способности, нравственные качества, лидерские способности, характер, физическое развитие. Кроме того, руководителя просили ответить на вопросы: удовлетворен ли он работой сотрудника и взял бы он его с собой, если бы формировалось новое подразделение.

С опорой на вышеуказанные допущения был определен ряд (перечень) вероятно эффективных методик по профессиональному отбору, состоящий из:

1) пятифакторного личностного опросника МакКрае-Коста (информативна шкала Е (экстраверсии));

2) Я-структурного опросника Г. Аммона (информативны шкалы С (конструктивная тревога), А1 (конструктивная агрессия), б (адаптация — психопатология), в (адаптация — психическая активность));

3) индивидуально-типологического опросника (информативная шкала Соп (конфликтность));

4) методики «Мотивация профессиональной карьеры» (информативны шкалы: М (менеджмент), Ст (стабильность), Сл (служение), П (предпринимательство));

5) методики «Оценка уровня волевого самоконтроля» (информативна шкала Н (настойчивость)).

При отборе необходимо обратить внимание на выраженность значений этих шкал. Значительное отклонение результатов по большинству информативных шкал психодиагностических методик (более одного стандартного отклонения) может свидетельствовать о низком или высоком прогнозе профессиональной успешности в охранной деятельности.

Предлагаемый алгоритм действий психологов ориентирует не на выявление абстрактных профессионально важных качеств, а на более реальные характеристики, полученные в ходе регрессионного анализа при опросе непосредственных начальников, которых прежде всего интересуют отношение к работе, нравственные качества и умственные способности подчиненных, для определения которых и предназначены предлагаемые психодиагностические методы.

Пакет перечисленных выше методик может быть использован в проводимом психологами пенитенциарных учреждений первоначальном отборе кандидатов в охранные подразделения УИС. Результаты психодиагностики помогут психологу совместно с кадровыми аппаратами принять решение о направлении кандидата для дальнейшего обследования в ЦПД и ВВК территориальных органов УИС.

В качестве *второго направления* оптимизации психологического сопровождения сотрудников отделов охраны ИУ и СИЗО ФСИН России обратимся к социально-психологическим факторам, влияющим на успешность работы личного состава данных подразделений.

Какими мотивами руководствуются при выборе места службы сотрудники охраны ФСИН России? Отличается ли в психологическом плане их профессиональная деятельность от деятельности других функциональных служб УИС? Если «да», то в чем именно заключаются эти отличия?

Для ответа на эти вопросы проведен опрос сотрудников отделов охраны ИУ и СИЗО с помощью «Опросника изучения социально-психологического климата в спецподразделениях УИС», предназначенного для выявления доминирующих мотивационных тенденций, структуры и динамики межличностных отношений, а также иных социально-психологических составляющих повседневной деятельности [2].

Полученные данные свидетельствуют о том, что сегодня руководители отделов охраны, наряду с совершенствованием стиля управления и улучшением профессионального отбора, должны наращивать усилия по реализации задач психологического и социального порядка. В их число входит: укрепление атмосферы сотрудничества, оказание адресной психологической и материальной поддержки членам коллективов, использование мобильного стиля управления, повышение размера денежного содержания сотрудников. На наш взгляд, в сфере управления служебными коллективами сотрудников органов и учреждений УИС наиболее предпочтительными являются социально-психологические подходы. С одной стороны, они базируются на собственных (компетентность руководителя) и внешних (потенциалы

коллектива) ресурсах с точки зрения ожидаемых результатов работы. С другой стороны, они опираются на гуманистические ценности, например, уважение и доверие к личности сотрудника, открытость и коллегиальность, а также дифференцированный подход к конкретным субъектам деятельности (учет профессиональных и индивидуально-психологических особенностей, условий жизни), которые будут способствовать укреплению сплоченности и повышению мотивации сотрудников.

В качестве *третьего направления* оптимизации психологического сопровождения сотрудников подразделений охраны УИС может выступать технология краткосрочной коррекции пограничных психических состояний сотрудников отделов охраны УИС России [3].

Как уже отмечалось выше, специфика служебной деятельности сотрудников отделов охраны УИС предъявляет повышенные требования не только к уровню профессионально-служебной подготовленности, но и к психологическим качествам.

Постоянные психологические и физические перегрузки приводят к возникновению у сотрудников данных подразделений пограничных психических состояний, на фоне которых возможны проявления дисциплинарных нарушений, алкогольных эксцес-

сов, необоснованного применения оружия и попыток суицида.

Таким образом, в современных условиях актуализируется необходимость проведения последовательной научно обоснованной работы по изучению пограничных психических состояний сотрудников отделов охраны, несущих службу с оружием, и их краткосрочной коррекции.

Для повышения надежности и эффективности служебной деятельности сотрудников отделов охраны, профилактики деструктивных форм поведения рекомендуется применение технологии краткосрочной коррекции пограничных психических состояний сотрудников данных подразделений.

На диагностическом этапе выявлялись пограничные психические состояния сотрудников отделов охраны методами: Стандартизированного многофакторного метода исследования личности Л.Н. Собчик (2009); Конституциональной и социопсихологической защиты личности (КСПФЗЛ) В.И. Серова (2000); «Индекс жизненного стиля» (LSI) Р. Плутчика, К. Келлермана, Х. Конта (1979); Восьмицветового теста М. Люшера (1948).

На основе анализа полученных данных были выделены четыре группы сотрудников отделов охраны, несущих службу с оружием (см. таблицу 1).

Таблица 1

Обоснование деления на группы

Номер группы	Возраст	ММРП, Т-баллы	Шкала адаптивности, баллы	Гендерные особенности	
				Мужчины, n	Женщины, n
1	21–42	50–55	0–5	24	11
2	20–53	56–60	6–11	103	35
3	20–47	61–70	12–19	92	32
4	20–50	71 и более	20 и более	54	21

В *группу с высоким уровнем психической адаптации* вошли испытуемые с показателями в 50–55 Т-баллов по СМИЛ и 0–5 баллов по шкале адаптивности. У данной категории лиц отсутствовали признаки нервно-психической неустойчивости, они легко и быстро приспосабливались к новым условиям. Первую группу составили 9% из числа мужчин и 11% из числа женщин всего контингента обследованных.

В *группу с повышенным уровнем психической адаптации* вошли испытуемые с показателями по СМИЛ в 56–60 Т-баллов и 5–11 баллов по шкале адаптивности. У данной категории лиц выявлялись какие-либо психологические дефекты, связанные с неблагополучием в семье, неблагоприятной наследственностью, ярко выраженные особенности характера, однако они всегда находили рациональные выходы из сложных ситуаций, быстро адаптировались к новым условиям среды. Вторую группу составили 38% из числа обследованных мужчин и 35% из числа обследованных женщин.

В *группу с пониженным уровнем психической адаптации* вошли испытуемые с показателями в 61–70 Т-баллов по СМИЛ и 11–19 баллов по шкале адаптивности. Для лиц данной группы характерными являлись признаки нервно-психической неустойчи-

вости, акцентуации характера, они адаптировались к одному из видов деятельности, при этом испытывали трудности в другом. Третью группу составили 34% из числа обследованных мужчин и 32% из числа обследованных женщин.

В *группу с низким уровнем психической адаптации* вошли испытуемые с показателями по СМИЛ в 70 Т-баллов и более и 20 баллов по шкале адаптивности. Лица данной группы имели высокий уровень нервно-психической неустойчивости, отличались наличием дезадаптации нервно-психической деятельности, испытывали трудности во всех видах деятельности, были склонны к асоциальным поступкам. Четвертую группу составили 19% из числа обследованных мужчин и 21% из числа обследованных женщин. Данная группа была обозначена как группа риска, представители которой находились в пограничном состоянии, имели наиболее неблагоприятный прогноз в отношении как здоровья, так и профессиональной деятельности. С респондентами данной группы выборочно проводились психокоррекционные встречи с применением методов Краткосрочного ассоциативного эксперимента и Медитативного рисуночного теста.

Далее, на коррекционном этапе проводилась краткосрочная коррекция пограничных психических состояний сотрудников отделов охраны, отнесенных к группе риска, методами Краткосрочного ассоциативного эксперимента и Медитативного рисуночного теста. Эффективность коррекционных встреч замерялась тестом Люшера, который проводился до, во время и после каждого сеанса.

На посткоррекционном этапе осуществлялась повторная диагностика психических состояний сотрудников отделов охраны, входящих в группу риска, методами СМИЛ, КСПФЗЛ и LSI. Целью этапа выступало изучение динамики пограничных психических состояний сотрудников отделов охраны, несущих службу с оружием.

Этап пролонгированной психологической коррекции характеризовался разработкой алгоритма самостоятельной регуляции психических состояний сотрудников отделов охраны.

Таким образом, совершенствование психологического сопровождения сотрудников отделов охраны ИУ и СИЗУ может быть связано с использованием обоснованных критериев определения психологической пригодности к охранному виду деятельности в условиях уголовно-исполнительной системы;

на основе использования «Опросника изучения социально-психологического климата в спецподразделениях УИС» практическими психологами отделов охраны ИУ и СИЗО может быть предложен комплекс мер, направленных на оптимизацию социально-психологического климата в данных подразделениях; с применением технологии краткосрочной коррекции пограничных психических состояний сотрудников подразделений охраны УИС России.

Литература

1. Кокурин А.В., Красов Д.А., Мокрецов А.И. Психологические факторы, способствующие повышению эффективности служебной деятельности сотрудников подразделений охраны Федеральной службы исполнения наказаний России // Вопросы психологии экстремальных ситуаций. 2008. № 2.
2. Овчарова Е.В. Психические состояния сотрудников отделов охраны уголовно-исполнительной системы, несущих службу с оружием, и их краткосрочная коррекция : дис. ... канд. психол. наук. Рязань, 2013.
3. Прогнозирование профессиональной успешности сотрудников подразделений охраны Федеральной службы исполнения наказаний / Б.Г. Бовин, П.Н. Казберов, А.В. Кокурин [и др.] // Прикладная юридическая психология. 2009. № 3.

ЦЕННОСТЬ ПРАВА КАК МОТИВ ПРАВОПОСЛУШНОГО ПОВЕДЕНИЯ СОТРУДНИКОВ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ*

Собольников Валерий Васильевич,
профессор кафедры психологии личности
и специальной психологии Новосибирского
государственного педагогического университета,
доктор психологических наук, профессор
630126, Россия, г. Новосибирск, ул. Вилюйская, 29

Статья посвящена проблеме ценности права как мотива законопослушного поведения сотрудников правоохранительной системы. Автором предпринята попытка выявления влияния правового нигилизма на поведение личности. Рассмотрены механизмы формирования личностной ценности права как одного из источников мотивации поведения в правозначимых ситуациях.

Ключевые слова: ценность права, мотив, маргинальная личность, правовое сознание, делинквентность, профессиональная деформация, социальные ценности, ценностные ориентации.

The article is devoted to the problem of values a motive law-abiding conduct of law enforcement officers. The author has attempted to identify the effects of legal nihilism in the behavior of the individual. The mechanisms of formation of personal values as a source of motivations of behavior in right significant situations.

Key words: value of the right, motive, marginal individuals, legal consciousness, delinquency, professional deformation, social values, valuable orientations.

Реформирование в последние десятилетия правоохранительных органов России по причине непро-

фессионального управления и эпидемии коррупции, к сожалению, не привело к ожидаемым результатам.

* SOBOL'NIKOV V.V. VALUE OF LAW AS A MOTIVE OF LAW-ABIDING BEHAVIOR OF EMPLOYEES OF LAW-ENFORCEMENT AGENCIES

Более того, усилились процессы дегуманизации, диффузии идентичности, групповой десоциализации, социального расслоения и трансформации ценностных ориентаций¹ сотрудников правоохранительных структур (далее по тексту — сотрудников). Определенная их часть утратила веру в справедливость общечеловеческих моральных и правовых норм поведения. На этой основе сформировалось иное значение смысла жизни, повлекшее за собой правовой нигилизм, профессиональную деформацию сознания полицейских и деструкцию их поведения². В результате только за последние два года из полиции было уволено по компрометирующим основаниям более 100 тыс. сотрудников. Службами безопасности выявлено 1518 сотрудников, совершивших коррупционные преступления. Одновременно МВД фиксирует негативную реакцию и значительный рост агрессии со стороны граждан и криминальных структур по отношению к полицейским. Только за девять месяцев 2012 г. было совершено около десяти тысяч нападений, причем убитыми оказались десятки полицейских. «Некоторые выходцы из правоохранительных органов усматривают причины роста нападений на полицейских в их собственном поведении, основанном на стремлении угнетать и «паразитировать» на остальных гражданах»³.

Правовой нигилизм в виде непризнания сотрудниками норм права как социальной ценности, негативно-отрицательного отношения к праву, законам, правопорядку, неверия в силу права, его возможности, общественную полезность поразил определенную часть сотрудников. Одной из причин этого стало формирование в специализированных вузах правового сознания на основе авторитарного усвоения «официально санкционированных» правовых идей и принципов⁴ и снижение качества обучения студентов юридических вузов. При столкновении с действительностью правовое сознание таких сотрудников вступает в конфликт⁵ и трансформируется в виде сознательного отрицания закона по мотивам корысти, жестокости, алчности и т.п. Появились правовые маргиналы с измененным правовым сознанием, для которых стали характерными крайний индивидуализм, нормативно-правовая неопределенность и внутренний отказ от подчинения нормам права. Это обусловило значительный рост правонарушений, совершаемых сотрудниками, что нашло свое выражение в умышленном нарушении ими законов, массовом несоблюдении и неисполнении юридических предписаний, подмене законности целесообразностью, нарушении прав человека⁶ и т.д. Вместе с тем реформирование в системе МВД России предполагает усиление профессиональной компетентности, что изначально обуславливает законопослушное поведение руководителей всех уровней и сотрудников полиции. В контексте изложенного проблема формирования у сотрудников ценности права как внутреннего мотива законопослушного поведения в современных условиях актуализируется.

Категория ценности является одной из самых сложных в психологии, что подтверждает множест-

венность подходов к ее пониманию. В нашем случае ценность представляет собой объективированную форму в виде правовых источников, правовой культуры и правопослушного поведения, как воплощения правовых идеалов. При этом в имеющейся литературе просматривается стремление: а) развести понятия «ценность», «потребность», «цель», «норма», «ценностные ориентации» и т.п.; б) классифицировать ценности (Л.Б. Косова, И.М. Попова, Н.И. Лапин, М. Рокич, Ш. Шварц и др.); в) выделить структуру ценностей личности. В сущности, ценность представляет собой один из наиболее важных механизмов взаимодействия личности и общества, личности и культуры. Это положение является определяющим гуманистического подхода и «областью применения понятия ценности — человеческий мир культуры и социальной действительности»⁷. В этом плане одновременно просматривается необходимость формирования мотивационных и когнитивных образований, обеспечивающих направленность, ориентацию и организацию законопослушного поведения личности.

Действенность правовых норм как побудителей должного поведения сотрудников во многом зависит от закрепившегося в их психологии отношения к нормам права как к социальным ценностям. Ценность как понятие используется для восприятия права, воплощающего в себе общественные идеалы и выступающего благодаря этому в качестве эталона поведения⁸. Преломляясь через призму индивидуальной жизнедеятельности, интегрируется в психологическую структуру личности сотрудника как личностная ценность — один из источников мотивации правопослушного поведения. Неслучайно ценность права проявляется как особое общественное отношение, где потребности и интересы⁹ индивида «переносятся» на мир правопонимания и законопослушного поведения. При этом личностная ценность характеризуется высокой степенью осознанности; она отражается в сознании в виде ценностных ориентаций и служит важным фактором правовой регуляции взаимоотношений и поведения сотрудников¹⁰.

Вместе с тем при анализе поведения сотрудников не всегда учитывается степень криминализации среды и их устойчивости к делинквентности. Криминальная среда с присущей ей криминальной субкультурой оказывает значительное криминогенное воздействие и способствует созданию устойчивого «профиля правового маргинала». Последний, являясь разновидностью профессиональной деформации, включает в себя нормативно-правовую неопределенность, основанную на негативном отношении к действующему праву, правовым явлениям в жизни общества, что формирует чувство личной автономии, высокую криминальную мотивацию достижения и деструктивность поведения. Изучение сотрудников позволило выявить установку в отношении т.н. «авторитета», высоко коррелированной с делинквентностью¹¹. Сотрудник, будучи маргиналом, является включенным в конфликт ценностей различных систем социального, в т.ч. и ненормативного, регулирования. В результате в его мотивационном комплексе

просматривается страх разоблачения и привлечения к юридической ответственности; корыстные, эгоистические мотивы; несоблюдение личных моральных и нравственных норм. Одновременно с этим выявлена степень устойчивости такой личности, в виде постоянной или ситуативной правовой маргинальности и степень влияния негативной правовой маргинальности на развитие общественных отношений. Изучение характера маргинального сознания и его влияния на правовое поведение сотрудников¹², показало, что правовая маргинальность является «пусковым» механизмом осуществления деструктивной деятельности, совершения правонарушений.

Психологическое содержательное понимание правовой социализации включает как процесс, так и результат осознания индивидом ценности правовой системы общества. Важную роль при этом играет формирование правовой культуры, которая является продуктом духовной, идеальной жизни и отражена в материальных объектах (идеях, текстах, поступках и т.д.). Следовательно, она управляема и выражена совокупностью ценностей: методологической, информационно-правовой, коммуникативной и рефлексивной. Фактором, влияющим на становление ценности права, может стать ее трансформация во внутреннюю нормативно ценностную систему личности. Все это придает данному свойству функцию побудителя и регулятора правопослушного поведения. Охраняемые государством нормы права транслируют личности нормы и принципы такого поведения. Осознание социальной и личностной ценности права способствует не только интериоризации правовых знаний «извне», «вовнутрь» в рамках значимых ценностных ориентаций. Последние, становясь местом пересечения мотивации и личностных убеждений структуры личности, придают ценностно-смысловым тенденциям динамический характер. В то же время эти тенденции необходимо создавать, реализовывать и актуализировать. В противном случае мы получаем объяснение негативным изменениям в ценностно-смысловой сфере личности сотрудника, связанным со снижением ценности права.

Развитие убежденности сотрудников в необходимости реализации законопослушного поведения и осуществления высокопрофессиональной деятельности предполагает в качестве способа правовой социализации использование не менее трех компонентов: когнитивного (система усвоения личностью на уровне убеждения ценности права), мотивационного (мотивация, личностный смысл, придаваемый нормам права) и операционного (актуализация личностных целей и целеполагания, методы психологического воздействия). Правовая социализация, как известно, — это прежде всего психологическая ориентировка сотрудника в современных условиях, в которых необходимо осуществлять законопослушное поведение в особых условиях деятельности. В этом плане можно выделить два наиболее важных направления. В частности, рассмотренный ранее контекст поведенческого компонента, в сущности, позволяет достичь этой цели. В другом — системообразующим становится

мотивационный. Наличие у личности не одного, а нескольких актуализированных мотивов должно представать в виде иерархии по степени их общности. Наличие в их структуре ценностного содержания права способствует формированию смыслозначимых убеждений. Ценностные ориентации как психологический механизм регуляции жизнедеятельности, включающий в себя ряд основных ценностей (ценности смысла существования, взаимодействия и организации жизнедеятельности), формируются в процессе профессиональной деятельности. Последнее объясняется тем, что интериоризация личности социальных ценностей (свободы, права и т.д.) и норм права, их трансформация в ценностные ориентации позволяет сотруднику воспринимать профессиональную деятельность как социально личностно значимую величину. А поскольку социальные ценности выполняют функцию внутренних побудителей конкретных действий и поступков человека, то они способствуют пониманию и объяснению мотивов и собственного законопослушного поведения.

Формирование убежденности в ценности права у сотрудников продолжает оставаться актуальным и становится возможным при их включении в эффективную систему правовой социализации личности. Особо важную роль при этом играет отношение государственных и общественных структур к праву как к высшей социальной ценности. Каждый гражданин на собственном опыте должен быть убежден в своей психологической и физической правовой защищенности, видеть неукоснительное соблюдение правовых норм всеми членами общества, независимо от их имущественного положения, статуса и занимаемой должности.

- ¹ Собольников В.В. Психология развития зрелой личности в особых условиях : монография. Новосибирск : НГУ, Юнеско, 1998. С. 77–78.
- ² Антропология деструктивности : коллективная монография / П.Е. Сулонов, В.В. Собольников, К.В. Злоказов и др. Екатеринбург : Уральский юридический институт МВД России, 2012. 214 с.
- ³ Глава МВД назвал «вызовом системе» удвоение числа нападений на сотрудников полиции // NEWSru.com. Криминал. 24 января 2012 г.
- ⁴ Собольников В.В. Психология развития зрелой личности в особых условиях : монография. С. 77–78.
- ⁵ Сорокотягин И.Н. Психология юриспруденции. СПб. : Изд-во Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2006. С. 165.
- ⁶ Собольников В.В. Криминальная психология : учебное пособие. Новосибирск: РАГС, СибАГС, 2005. С. 206–207.
- ⁷ Чавчавадзе Н.З. Культура и ценности. Тбилиси, 1984. С. 43.
- ⁸ Татаринцева Е.В. Правовое воспитание. М., 1990. С. 42–44.
- ⁹ Обуховский К. Галактика потребностей. Психология влечений человека. СПб. : Изд-во «Речь», 2003. С. 77–85.
- ¹⁰ Собольников В.В. Сознание как система и категория развития личности // Научные записки СибАГС. 2003. № 5. С. 23–28.
- ¹¹ Emler N. and Valiant G.L. Social interaction and cognitive conflict in the development of spatial coordination skills. *British Journal of Social Psychology*. . 1982. № 73. P. 295–303.
- ¹² Залесский Г.Е. Психология мировоззрения и убеждений личности. М. : Изд-во МГУ, 1994. С. 43–44.

ОПТИМИЗАЦИЯ ТЕХНОЛОГИЧЕСКИХ ПОДХОДОВ К ОБУЧЕНИЮ КУРСАНТОВ ВОЕННЫХ ВУЗОВ*

Гуляев Владимир Николаевич,
профессор кафедры педагогики
ФГКВОУ ВПО «Военный университет» МО РФ,
доктор педагогических наук, профессор
101103, г. Москва, ул. Большая Садовая, 14

Воронин Дмитрий Витальевич,
адъюнкт кафедры педагогики
ФГКВОУ ВПО «Военный университет» МО РФ
101103, г. Москва, ул. Большая Садовая, 14

В статье обосновано авторское понимание сущности оптимизации технологических подходов к обучению курсантов военных вузов. Определена концептуальная основа оптимизации технологических подходов к обучению курсантов. Выделены и раскрыты качественные этапы процесса эволюции обучения и собственно развития курсантов на протяжении пятилетнего курса обучения в военном вузе. Сформулировано понятие об оптимальности применения технологических подходов к обучению курсантов.

Ключевые слова: обучение, развитие, оптимизация, технологизация, технологический подход, сущность, курсанты, военный вуз.

In the article the author's understanding of essence of optimization of technological approaches to cadets training of military high school is proved. The conceptual basis of optimization of technological approaches to cadets training is defined. Qualitative stages of process of evolution of training and actually development of cadets throughout a five-year course in military high school are selected and explained. The concept about optimality of application of technological approaches to cadets training is formulated.

Key words: training, development, optimization, technologization, technological approach, essence, cadets, military high school.

Качественные изменения, происходящие в военно-профессиональной сфере — ускорение процесса «устаревания знания», повышение уровня инновационности и постоянно возрастающий градиент сложности военно-профессиональной деятельности¹ — актуализируют существенно возрастающие требования к военно-профессиональной подготовке курсантов и характеру проектирования и осуществления процесса обучения в военных вузах. Определяющими становятся вопросы обучения «грамотных, подготовленных людей, ... специалистов, обладающих глубокими знаниями и высоким уровнем общего образования и культуры». В этой связи В.В. Путин подчеркивает: необходимо на ближайшую перспективу «восстановить потерянные компетенции военных институтов, интегрировать их с развивающейся системой военного образования»².

Проведенный анализ педагогических исследований последних лет показал, что реформирование военного образования связывается прежде всего с технологическим уровнем проектирования процесса обучения, который опирается на инновационные (развивающие) педагогические технологии как важнейшее условие решения педагогических проблем, возникающих в образовательной среде в современных условиях. Военные вузы поставлены перед

необходимостью обеспечения высокого качества образовательных результатов за счет поиска внутренних резервов самой системы. Это представляется возможным при активном переосмыслении (инвентаризации) всего кластера применяемых в высшей военной школе педагогических технологий, обеспечении лаконичного сочетания процессов внедрения инновационных составляющих технологического подхода и развития инструментариев традиционной системы обучения курсантов. Так, проектирование развивающих технологий должно взаимодействовать применению традиционных технологий «репродуктивного толка», что является закономерным результатом эволюции педагогических систем.

Вместе с тем исследование современного состояния практики применения педагогических технологий в военных вузах позволило выявить основную проблему обучения, которая выражена в тенденциях, носящих противоречивый, взаимоисключающий характер. С одной стороны, налицо декларирование внедрения развивающих педагогических технологий, сопровождаемое незаслуженным разрушением и отрицанием всяких достоинств традиционной системы обучения, с другой стороны — доминирование в процессе обучения традиционных технологий «репродуктивного толка». Очевидно, что это не поз-

* GULYAEV V.N., VORONIN D.V. OPTIMIZATION OF TECHNOLOGICAL APPROACHES TO CADETS TRAINING OF MILITARY HIGH SCHOOL

воляет достигать запланированных образовательных результатов и обуславливает некоторое отставание, отрыв от потребностей, адекватных специфике военно-профессиональной деятельности в современных динамично изменяющихся условиях. Не обращаясь к причинам и условиям сложившейся в высшей военной школе практики, предполагаем, что приведению процесса подготовки обучающихся в военных вузах в соответствие объективной действительности и разрешению сложившегося несоответствия будет способствовать оптимизация технологических подходов к обучению курсантов.

Проблема оптимизации в педагогической науке и практике берет свое начало в 70-х годах прошлого столетия, когда, подобно сегодняшнему состоянию обучения курсантов, возникла объективная потребность совершенствования подготовки кадров и были разработаны дидактические возможности для решения отдельных проблем оптимизации процесса обучения. Существенный вклад в разработку теоретических основ оптимизации внесли С.И. Архангельский, Ю.К. Бабанский, В.П. Беспалько, А.Д. Ботвинников, Л.В. Занков, Т.А. Ильина, Н.Д. Никандров, И.П. Раченко, Н.Ф. Талызина, И.Ф. Тесленко, А.А. Ченцов и др.

В научной литературе оптимизация обучения представлена различными теоретическими подходами. Оптимизация определяется как:

— «выбор наиболее эффективного (в пределах оптимального) варианта управляемого процесса в соответствии с заданными критериями»³;

— «степень соответствия организационной стороны системы тем целям, для достижения которых она создана»⁴;

— комплекс научно обоснованных решений, способствующих достижению возможно высоких результатов труда при рациональных затратах времени, сил и средств, и поэтому оптимизировать нужно не сам труд и отдых, а их условия: психофизиологические, материально-технические, санитарно-гигиенические, эстетические⁵;

— построение оптимальной системы и всех ее элементов, установление оптимальных путей ее функционирования и развития, выбор оптимальных способов ее оценки, регулирования и управления⁶.

Наиболее всесторонне и углубленно проблема оптимизации в педагогике рассмотрена в исследовании Ю.К. Бабанского. Педагог предложил считать оптимизацией образовательного процесса научно обоснованный выбор и осуществление наилучшего варианта построения процесса обучения, который обеспечивает за отведенное время максимально возможную эффективность решения задач образования и воспитания⁷. Ю.К. Бабанский научно обосновал сущность и содержание оптимизации учебного процесса, разработав при этом целостную теорию оптимизации, которая в последующем выступила концептуальной основой для активизации исследований по различным отдельным аспектам проблемы оптимизации учебного процесса. Между тем в работе педагога можно выделить как сильную

(незаменимый вклад в развитие отечественной педагогической науки и практики), так и слабую сторону, выраженную в исследовании субъекта мысли безотносительно к педагогическим целям развивающего характера, а также дифференциации этапов эволюции обучения и собственно развития обучающихся. Наш исследовательский замысел — качественно иной: рассмотреть обучение как функциональную развивающуюся систему.

При этом мы придерживаемся точки зрения, в соответствии с которой под педагогической технологией понимается процесс (способ) превращения педагогической цели в педагогический результат. Технологический подход к обучению есть композиция, состоящая из нескольких конкретных педагогических технологий, адекватная императивам конкретного этапа эволюции обучения и собственно развития курсантов. При обращении к пятилетнему курсу подготовки в военном вузе, предполагалось, что на протяжении обучения курсантов присутствуют различные вариации применяемых технологических подходов. Это обосновано следующим образом. В силу того, что процесс эволюции обучения и собственно развития обучающегося имеет качественные этапы, каждому этапу должна соответствовать своя композиция педагогических технологий, которая работает на реализацию цели и задач именно этого этапа.

Из этого следует, что оптимизация технологических подходов к обучению есть проектирование определенной последовательности, сочетания педагогических технологий на одном и том же качественном этапе и особенностей их взаимодействия на разных качественных этапах. Когда мы говорим о технологических подходах, мы имеем в виду некую оптимальную последовательность педагогических технологий, соответствующую качественным этапам эволюции процесса обучения.

Роль концептуальной основы оптимизации технологических подходов выполняют следующие качественные этапы процесса эволюции обучения и собственно развития курсантов на протяжении пятилетнего курса обучения в военном вузе:

Первый этап (1 — сер. 2 курса) — адаптивный, разрешает несоответствие между качественным уровнем школы и уровнем высшего военного образования, где у обучающегося актуализируется способность к овладению сущностью учебного материала. Это требует от курсанта «продуктивного» способа поисково-исследовательской деятельности. На данном этапе задачей является адаптация к научному уровню знания, а результатом становится приобретение интраактивного опыта овладения знаково-символической средой научного знания, присущей высшей военной школе.

Второй этап (2–3, сер. 4 курса) — трансформный, на котором происходит апробация приобретенного опыта овладения знаково-символической системой в коммуникативной среде. На данном этапе задачей является создание прецедента опыта понимания курсантом не абсолютности и относительности при-

обретенного им индивидуального опыта (способа) понимания посредством взаимодействия с другими обучающимися в интерактивном пространстве по уточнению смыслов, понятий, категорий (трансформация). Результатом здесь становится приобретение курсантом интерактивного опыта сопоставления своих результатов с результатами других обучающихся, формирование культуры взаимодействия в интерактивном пространстве.

Третий этап (3, сер. 4–5 курс) — управление процессами проектирования и реализации моделей профессиональной деятельности. На данном этапе происходит вхождение обучающихся в пространство проектирования и организации будущей профессиональной деятельности в различных функциях, которое в «снятом» виде содержит и интраактивную, и интерактивную составляющую. Задачей этого этапа является создание оптимальных моделей будущей профессиональной деятельности обучающегося, а результатом — рефлексия опыта собственной деятельности, достигнутых им результатов на предыдущих этапах обучения.

Представленная динамика эволюции обучения в военном вузе иллюстрирует, что применение одних и тех же технологических подходов от курса к курсу (на разных качественных этапах) противоречит логике поступательного развития военного специалиста, а значит, не в полной мере обеспечивает результаты обучения в вузе, адекватные специфике военно-профессионального труда в современных условиях.

Следовательно, на одном качественном этапе развития работает определенная композиция педагогических технологий (технологический подход). Если на следующем этапе педагог, не замечая изменений, продолжает применять ее же, то, по сути дела, он прекращает развитие обучающихся или, во всяком случае, начинает ему противодействовать (т.к. развитие невозможно остановить). Практика показывает, что с такой ситуацией сталкивается большинство обучающихся в высшей военной школе. Если же педагог в соответствии с новым качественным этапом подбирает иную композицию педагогических технологий, адекватную природе и задачам этого этапа, то появляется феномен оптимизации технологических подходов.

Таким образом, прохождение обучающимся названных этапов обеспечивает природосообразность подготовки курсантов к военно-профессиональной деятельности. В той мере, в какой применяемые технологические подходы к обучению работают на реализацию каждого из спроектированных качественных этапов, в той мере и следует говорить об оптимальности их сочетания и взаимодействия. Это и является основным сущностным признаком (критерием) оптимизации технологических подходов к обучению курсантов.

Подводя итог вышесказанному, необходимо сделать следующие выводы.

1. В самом общем виде оптимизация в педагогической науке и практике представляет собой целенаправленный выбор педагогом наилучшего варианта построения учебного процесса, который обеспечивает максимально возможную эффективность решения педагогических задач. При этом оптимизация не рассматривается «вообще», а всегда в конкретных условиях и в соответствии с заданными критериями.

2. Под оптимизацией технологических подходов к обучению курсантов военных вузов понимается проектирование определенной последовательности, сочетания педагогических технологий на одном и том же качественном этапе и особенностей их взаимодействия на разных качественных этапах.

3. Роль концептуальной основы оптимизации технологических подходов выполняют качественные этапы процесса эволюции обучения и собственно развития курсантов на протяжении пятилетнего курса обучения в военном вузе. Оптимальность применения технологических подходов к обучению курсантов определяется адекватностью их сочетания и взаимодействия природе и задачам каждого качественного этапа.

Литература

1. Архангельский С.И. Теоретические основы научной организации учебного процесса. М. : Прогресс, 1975. 254 с.
 2. Гуляев В.Н. Развитие теории и практики проблемно-деятельностного обучения в высшей военной школе : дис. ... докт. пед. наук. М., 2003. 302 с.
 3. Дьяченко И.И. Оптимизация управления учебным познанием : автореф. дис. ... канд. пед. наук. ЛГУ, 1970. 22 с.
 4. Ильина Т.А. Системно-структурный подход в организации обучения. М. : Знание, 1972. 72 с.
 5. Педагогика : учебное пособие для студентов / под ред. Ю.К. Бабанского. М. : Просвещение, 1983. 608 с.
 6. Путин В.В. Быть сильными: гарантии национальной безопасности для России // Российская газета. Столичный выпуск. 2012. № 5708. 17 февраля.
 7. Раченко И.П. Научная организация педагогического труда. М. : Педагогика, 1972. 318 с.
-
- 1 Гуляев В.Н. Развитие теории и практики проблемно-деятельностного обучения в высшей военной школе : дис. ... докт. пед. наук. М., 2003. 302 с.
 - 2 Путин В.В. Быть сильными: гарантии национальной безопасности для России // Российская газета. Столичный выпуск. 2012. № 5708. 17 февраля.
 - 3 Дьяченко И.И. Оптимизация управления учебным познанием : автореф. дис. ... канд. пед. наук. ЛГУ, 1970. 22 с.
 - 4 Ильина Т.А. Системно-структурный подход в организации обучения. М. : Знание, 1972. С. 17.
 - 5 Раченко И.П. Научная организация педагогического труда. М. : Педагогика, 1972. С. 36.
 - 6 Архангельский С.И. Теоретические основы научной организации учебного процесса. М. : Прогресс, 1975. С. 63.
 - 7 Педагогика : учебное пособие для студентов / под ред. Ю.К. Бабанского. М. : Просвещение, 1983. С. 76–77.

СПЛОЧЕННОСТЬ КОЛЛЕКТИВА КАК КРИТЕРИЙ СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ОЦЕНКИ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ*

Поляков Сергей Александрович,
аспирант факультета психологии
Российского государственного социального
университета
serganator@list.ru

В статье проанализированы основные теории и концепции групповой сплоченности. Рассмотрена групповая сплоченность коллектива.

Ключевые слова: совместная деятельность, групповое единство.

The main theories and concepts of group unity are analyzed in the article. Group unity of collective is considered.

Key words: joint activity, group unity.

Профессиональная деятельность современного подразделения ВС России с полным основанием может рассматриваться как совместная коллективная деятельность, включающая в себя весь спектр социально-педагогических и социально-психологических проблем общения, взаимовлияний, лидерства в малых группах, стилей и методов руководства служебными коллективами. Психолого-педагогическое обеспечение подготовки квалифицированных специалистов выражается прежде всего в слаженной организации совместной деятельности сотрудников подразделений. Отмеченная социально-психологическая специфика служебной деятельности делает чрезвычайно актуальной разработку путей и методов диагностики и формирования сплоченности служебных коллективов.

Рассматривая малую группу в определенной связи с обществом, большинство исследователей проблемы групповой сплоченности в качестве ее ведущего фактора выделяют совместную деятельность. Тогда процесс формирования группы и ее дальнейшего развития предстает как процесс возрастания групповой сплоченности, базирующийся не столько на увеличении ее эмоциональной привлекательности, сколько на основе все большего включения индивидов в процесс совместной деятельности, которая является основанием для возникновения как эмоциональных отношений, так и единства ценностных ориентаций. Социально-психологические аспекты совместной деятельности нашли отражение в трудах Н.Н. Обозова [6].

Известно, что с увеличением продолжительности взаимодействия и достижением успеха внутренняя сплоченность коллективов становится более выраженной, а с увеличением числа членов группы может уменьшаться их сплоченность, возрастает

вероятность распада на малые группы. Специальные научные исследования групповой сплоченности начались в конце 40-х годов XX века с работ американского исследователя Л. Фестингера [4]. Групповая сплоченность — это результат воздействия всех сил, удерживающих людей в группе. Когда группа сплочена, все ее члены активно работают, всеми силами поддерживая продуктивную деятельность своих товарищей и коллег и поощряя их самоотверженную преданность группе и ее интересам. При слабой сплоченности в группе интерес к эволюции и процветанию группы пропадает и вероятность плодотворных совместных действий членов группы уменьшается. Периодическая ротация кадров подразделения подавляет эту негативную симптоматику, однако не решает истоков проблемы в служебных коллективах ВС России.

В статье ставится цель рассмотреть сплоченность коллектива как критерий социально-психологической оценки профессиональной деятельности в рамках проводимого автором исследования в области психологии труда. Современная психологическая диагностика определяется как психологическая дисциплина, разрабатывающая методы выявления и изучения индивидуально-психологических и индивидуально-психофизических особенностей человека [2].

Сплоченность коллектива является важной социальной характеристикой. Внутриколлективная сплоченность представляет собой единство трудового поведения членов коллектива, основанное на общности интересов, ценностей и норм поведения. Это интегральная характеристика коллектива. В процессе сплочения трудового коллектива происходит формирование единства интересов, норм трудового поведения, коллективных ценностей. Ре-

* POLYAKOV S.A. UNITY OF COLLECTIVE, AS CRITERION OF A SOCIAL AND PSYCHOLOGICAL ASSESSMENT OF PROFESSIONAL ACTIVITY

зультат процесса сплочения проявляется в единстве мнений членов коллектива, в тяготении работников друг к другу, в помощи и поддержке. В результате создается своеобразная атмосфера сплочения [6].

По своей направленности сплоченность коллектива может быть положительной (функциональной), сориентированной на цели и задачи его деятельности, и отрицательной (дисфункциональной), направленной на достижение целей, противоречащих общественным и производственным целям. Функционально сплоченный коллектив — это социально зрелая общность людей. Он в корне отличается от коллектива, характеризующегося сплоченностью, обусловленной не общественными и производственными целями, а сохранением хороших взаимоотношений в группе. Цели производственной деятельности преследуются здесь лишь постольку, поскольку они не мешают единству и сплоченности группы. В создании сплоченного коллектива ключевым моментом является подбор людей на основе совпадения их жизненных ценностей относительно профессиональной деятельности и нравственных аспектов.

В служебной деятельности общей целью или общей задачей подразделения ВС России и каждого сотрудника в отдельности является успешное выполнение поставленных задач, которое зависит от скоординированных усилий всех членов сформированной группы, их совместности и сплоченности. Процесс формирования отношений между личностью и коллективом зависит не только от качеств самой личности, но и от коллектива. Наиболее благополучно, как подтверждает опыт, отношения складываются там, где служебный коллектив уже достиг высокого уровня развития, где он представляет силу, основанную на традициях, патриотизме, общественном мнении, авторитете самоуправления. Такой коллектив сравнительно легко устанавливает нормальные отношения с теми, кто в него входит. Это касается сотрудников, проходящих военную службу на контрактной основе. Каждый сотрудник, независимо от воинского звания, должности и общественного статуса, с большей или меньшей энергией стремится к самоутверждению в коллективе, к тому, чтобы занять в нем благоприятное для себя положение, завоевать авторитет и уважение коллег.

Актуальность исследования групповой сплоченности занимает одно из ведущих мест, однако еще недостаточно изучены вопросы формирования групповой сплоченности, проведения диагностики в отношении изучения внутригрупповой морально-психологической обстановки, ее динамического наблюдения.

Анализ исследований данной проблемы показывает, что феномен групповой сплоченности представляется как сложное, многоаспектное явление, детерминированное множеством взаимозависимых факторов: личностных, групповых, межгрупповых. Таким образом, категория «единство» выступает как основное, базовое качество, характеризующее групповую сплоченность, выражающее целостность

группы; групповая сплоченность понимается как единство эмоционально-положительных отношений и переживаний членов группы, единство их ценностных ориентаций, единство действий и поступков, направленных на решение общегрупповых задач.

С целью более глубокого понимания сути процесса сплочения групп и коллективов автором была рассмотрена стратометрическая концепция А.В. Петровского [1]. Методологической основой построения концепции послужило представление о социально значимой совместной предметной деятельности как ведущем факторе становления и развития всех форм внутригрупповой активности. Акт деятельностного опосредования в данной концепции выступает важнейшим системообразующим признаком социально-психологических процессов, происходящих в группе. Группа с этих позиций выступает как иерархически выстроенная многоуровневая система активности, состоящая из различных страт, характеризующихся различной степенью опосредованности в процессе совместной деятельности.

Первый, поверхностный, слой образован совокупностью межличностных отношений непосредственной зависимости, теми слоями, взаимодействиями и эмоционально-личными контактами, которые не опосредованы содержанием совместной деятельности. Примерами активности этого уровня являются: взаимные симпатии и антипатии, взаимная привлекательность и непривлекательность и т.п.

Второй, более глубокий, слой составляют взаимоотношения, опосредованные ценностными характеристиками групповой деятельности. Развитость этого слоя справедливо считают показателем уровня развития группы. Высокая степень совпадения позиций, мнений, взглядов индивидов по вопросам, значимым для группы, не столько создается в результате частоты эмоциональных контактов, сколько является итогом активной совместной групповой деятельности.

Третий, наиболее глубокий и сформированный, слой образуется отношениями. Он определяется конкретной целенаправленной деятельностью всей группы: ее целями, задачами, местом в системе социальных отношений общества.

Таким образом, формирование групповой сплоченности можно рассматривать как последовательное включение совместной деятельности в опосредование многообразных контактов между членами группы.

Многими исследователями групповая сплоченность определяется через единство участников группы. Так, Л.Т. Почебут и В.А. Чикер считают, что «сплоченность характеризуется устойчивостью и единством межличностных взаимоотношений и взаимодействий» [7]. Л.И. Уманский определяет сплоченность «как высокую степень групповой интеграции, слитности, единства между членами группы» [8]. По мнению В.Т. Кондрашенко и Д.И. Донского, сплоченность — это «характеристика степени связанности, единства межличностных отношений в группе» [3]. Получается, что категория «единство»

выступает как базовое качество, характеризующее групповую сплоченность, выражающее целостность группы; групповая сплоченность понимается как единство эмоционально положительных отношений и переживаний членов группы, единство их ценностных ориентаций, единство действий и поступков, направленных на решение общегрупповых задач. Отличительной особенностью, определяющей любую группу, является взаимодействие между ее членами, которые зависят друг от друга, имеют общую цель и должны общаться между собой. Группам также присуща взаимозависимость относительно задачи — они должны взаимодействовать, чтобы выполнить работу. Процесс формирования сплоченности служебных коллективов вызывает огромный интерес и всегда актуален для изучения и рассмотрения, потому что он непосредственным образом оказывает влияние на совместные достижения коллективов в процессе служебной деятельности.

В процессе становления и развития служебный коллектив приобретает такое групповое качество как сплоченность. Если он имеет положительную направленность, то это благоприятно влияет на эффективность служебной деятельности.

Таким образом, сплоченность коллектива как критерий социально-психологической оценки профессиональной деятельности формируется в процессе совместной деятельности. Сплоченность

необходимо формировать и развивать на мотивационном, осознанном уровне, т.к. от сплоченности подразделения зависит его психологический микроклимат — напрямую, а косвенно — такие качества, как эмоциональная комфортность, самооценка коллег, сослуживцев, качество профессиональной деятельности.

Литература

1. Головин С.Ю. Словарь практического психолога / сост. С.Ю. Головин. Минск : Харвест, 1998.
2. Гуревич К.М., Борисова Е.М. Психологическая диагностика : учебное пособие. М. : Изд-во УРАО, 1997. С. 2.
3. Кондрашенко В.Т., Донской Д.И. Общая психотерапия. Минск : Наука и техника, 1993. С. 420.
4. Макаров Ю.В. Формирование групповой сплоченности средствами социально-психологического тренинга // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2010. № 128. С. 72–83.
5. Михайлова Л.И. Управление персоналом. М., 2007. С. 248.
6. Обозов Н.Н. Психологическая совместимость и сработываемость как факторы эффективности труда // Промышленная социальная психология. Л. : ЛГУ, 1982. С. 102–108.
7. Почебут Л.Г., Чикер В.А. Индустриальная социальная психология. СПб. : СПбГУ, 1997. С. 420.
8. Уманский Л.И. Методы экспериментального исследования социально-психологических феноменов // Методология и методы социальной психологии. М. : Наука, 1977. С. 59.

АКЦЕНТУАЦИИ ХАРАКТЕРА И ПОДХОДЫ К ИХ КЛАССИФИКАЦИИ*

Белых-Силаев Дмитрий Владимирович,
и.о. главного редактора журнала
«Юридическая психология»
014130@mail.ru

Ивашин Анатолий Геннадьевич,
педагог-психолог
anatolii_ivashin@mail.ru

Ланцов Денис Евгеньевич,
психолог
89175680628@rambler.ru

Статья посвящена проблеме акцентуаций характера, дается определение термина «акцентуация». Приводится краткое описание акцентуаций по Леонгарду и по Личко.

Ключевые слова: акцентуация, демонстративный, педантичный, застревающий, возбудимый, гипертимный, дистимный, тревожно-боязливый, циклотимный, аффективный, эмотивный.

The article concerns the problem of accentuations of character, gives definition of the term of “accentuation”; presents a short description of accentuations in accordance with Leonhard and Lichko.

Key words: accentuation, demonstrative, pedantic, sticking, excitable, hypertemic, distemic, anxiofearful, cyclothymic, affective, emotive.

* BELY'KH-SILAEV D.V., IVASHIN A.G., LANTSOV D.E. ACCENTUATION OF A CHARACTER AND APPROACHES TO CLASSIFICATION THEREOF

Характер — это совокупность устойчивых индивидуальных особенностей личности, складывающаяся и проявляющаяся в деятельности и общении, обусловливая типичные для индивида способы поведения. Число черт характера, зафиксированных человеческим опытом и нашедших обозначение в языке, чрезвычайно велико. Когда количественная выраженность той или иной черты характера достигает предельных величин и оказывается у крайней границы нормы, возникает так называемая акцентуация характера.

Акцентуация — «крайняя выраженность нормы». Можно также сказать, что акцентуации — это крайние варианты нормы характера, при которых отдельные черты характера чрезмерно усилены, отчего обнаруживается избирательная уязвимость в отношении определенного рода психогенных воздействий при хорошей и даже повышенной устойчивости к другому. То есть при акцентуации характера его особенности, в отличие от психопатии, могут проявляться не всегда и везде, а обнаруживаться только при определенных условиях. При акцентуации социальная адаптация нарушается только при ударах по так называемым «местам наименьшего сопротивления».

Личность — это конкретный человек, который является частью определенного общества, класса, коллектива; занимается определенным видом деятельности (игра, учение, труд, общение), сознает свое отношение к окружающему миру и обладает определенными индивидуально-психологическими особенностями.

Отличие людей по индивидуально-психологическим особенностям, индивидуальным чертам зависит не только от врожденных качеств, но и от разницы в развитии, от того, в какой семье вырос человек, в какой школе учился, кто по профессии, в каком социальном окружении находится.

Так, например, тип служащего, офицера формируется благодаря тому, что определенное положение или должность накладывают отпечаток на образ жизни. Этому часто способствует то, что заложенная в человеке природой тенденция взаимодействует с избранной им профессией, более того, человек и определенную профессию часто избирает именно потому, что она соответствует его индивидуальным склонностям.

Существенный вклад в развитие теории акцентуаций характера внесли К. Леонгард и Н. Шмишек. Они дали следующее определение акцентуации. Акцентуация — это чрезмерная выраженность отдельных черт характера и их сочетаний, проявление которых во многом зависит от темперамента человека. Они представляют собой крайние варианты нормы, граничащие с психопатиями (патологиями характера с необратимой выраженностью свойств, препятствующих адекватной адаптации к среде).

В зависимости от степени выраженности было выделено две степени акцентуации характера: явная и скрытая.

Явная акцентуация. Эта степень акцентуации относится к крайним вариантам нормы. Она отли-

чается наличием довольно постоянных черт определенного типа характера.

В юношеском возрасте особенности характера часто заостряются, а при действии психогенных факторов, адресующихся к «месту наименьшего сопротивления» (например, военная среда), могут наступать временные нарушения адаптации, отклонения в поведении. При взрослении (увеличении продолжительности службы, например) особенности характера остаются достаточно выраженными, но компенсируются и обычно не мешают адаптации.

Скрытая акцентуация. Эта степень, видимо, должна быть отнесена не к крайним, а к обычным вариантам нормы. В обычных, привычных условиях черты определенного типа характера выражены слабо или не проявляются совсем. Даже при продолжительном наблюдении, разносторонних контактах и детальном знакомстве с биографией трудно бывает составить четкое представление об определенном типе характера. Однако черты этого типа могут ярко, порой неожиданно вывиться под влиянием тех ситуаций и психических травм, которые предъявляют повышенные требования к «месту наименьшего сопротивления». Психогенные факторы иного рода, даже тяжелые, не только не вызывают психических расстройств, но могут даже не выявить типа характера. Если же такие черты и выявляются, это, как правило, не приводит к заметной социальной дезадаптации.

Акцентуация дает возможности как для социально положительных достижений, так и для социально отрицательных.

Между нормальными и акцентуированными личностями жесткой границы нет. При неблагоприятных обстоятельствах застревающий тип может стать несговорчивым, не терпящим возражений спорщиком, но если обстоятельства будут благоприятствовать такому человеку, не исключено, что он окажется неутомимым и целеустремленным тружеником. Педантичная личность при неблагоприятных обстоятельствах может заболеть неврозом навязчивых состояний, при благоприятных — из нее выйдет образцовый работник с большим чувством ответственности за порученное дело. В целом при отрицательной картине, видимо, следует усматривать психопатию, при положительной — скорее просто акцентуацию.

Можно ли говорить о бесконечном множестве индивидуальных черт? Основные черты, определяющие индивидуальность и характер человека, весьма многочисленны, но все же их число нельзя считать безграничным.

Существуют две классификации типов акцентуаций характера. Первая предложена К. Леонгардом, вторая — А.Е. Личко.

Выделенные Леонгардом 10 типов акцентуированных личностей разделены на две группы: акцентуации характера (демонстративный, педантичный, застревающий, возбудимый) и акцентуации темперамента (гипертимический, дистимический, тревожно-боязливый, циклотимический, аффективный, эмотивный).

Краткое описание акцентуаций по Леонгарду

1. Демонстративный тип (акцентуация — «вытеснение»). Характеризуется повышенной способностью к вытеснению, демонстративностью поведения, живостью, подвижностью, легкостью в установлении контактов. Склонен к фантазерству, лживости и притворству, направленным на приукрашивание своей персоны, авантюризму, артистизму, к позерству. Им движет стремление к лидерству, потребность в признании, жажда постоянного внимания к своей персоне, жажда власти, похвалы; перспектива быть незамеченным отягощает его. Он демонстрирует высокую приспособляемость к людям, эмоциональную лабильность (легкую смену настроений) при отсутствии действительно глубоких чувств, склонность к интригам (при внешней мягкости манеры общения). Отмечается беспредельный эгоцентризм, жажда восхищения, сочувствия, почитания, удивления. Обычно похвала других в его присутствии вызывает у него особо неприятные ощущения, он этого не выносит. Стремление к компании обычно связано с потребностью ощутить себя лидером, занять исключительное положение. Самооценка сильно далека от объективности. Может раздражать своей самоуверенностью и высокими притязаниями, сам систематически провоцирует конфликты, но при этом активно защищается. Обладая патологической способностью к вытеснению, он может полностью забыть то, о чем он не желает знать. Это расковывает его во лжи. Обычно лжет с невинным лицом, поскольку то, о чем он говорит, в данный момент для него является правдой; по-видимому, внутренне он не осознает свою ложь или же осознает очень неглубоко, без заметных угрызений совести. Способен увлечь других неординарностью мышления и поступков.

2. Педантичный тип (акцентуация — «ригидная»). Характеризуется ригидностью, инертностью психических процессов, «тяжелостью» на подъем, долгим переживанием травмирующих событий. В конфликты вступает редко, выступая скорее пассивной, чем активной стороной. В то же время очень сильно реагирует на любое проявление нарушения порядка. На службе ведет себя как бюрократ, предъявляя окружающим много формальных требований. Пунктуален, аккуратен, особое внимание уделяет чистоте и порядку, скрупулезен, добросовестен, склонен жестко следовать плану, в выполнении действий нетороплив, усидчив, ориентирован на высокое качество работы и особую аккуратность, склонен к частым самопроверкам, сомнениям в правильности выполненной работы, брюзжанию, формализму. С охотой уступает лидерство другим людям.

3. Застревающий тип (акцентуация — «паранойальная»). Основная черта этого типа — чрезмерная стойкость аффекта со склонностью к формированию сверхценных идей. Его характеризует умеренная общительность (в общении избирателен), занудливость, склонность к нравоучениям, неразговорчивость. Часто страдает от мнимой несправедливости по отношению к нему. В связи с этим прояв-

ляет настороженность и недоверчивость по отношению к людям, чувствителен к обидам и огорчениям, уязвим, подозрителен, отличается мстительностью, долго переживает происшедшее, не способен «легко отходить» от обид. Для него характерна заносчивость, часто выступает инициатором конфликтов. Самонадеянность, жесткость установок и взглядов, сильно развитое честолюбие часто приводят к настойчивому утверждению своих интересов, которые он отстаивает с особой энергичностью. Стремится добиться высоких показателей в любом деле, за которое берется, и проявляет большое упорство в достижении своих целей. Основной чертой является склонность к аффектам (правдолюбие, обидчивость, ревность, подозрительность), инертность в проявлении аффектов, в мышлении, в моторике.

4. Возбудимый тип (акцентуация — «проективная»). Таким людям свойственна повышенная импульсивность, ослабление контроля над влечениями и побуждениями. Недостаточная управляемость, ослабление контроля над влечениями и побуждениями сочетаются у людей такого типа с властью физиологических влечений. Ему характерна повышенная импульсивность, инстинктивность, грубость, занудство, угрюмость, гневливость, склонность к хамству и брани, к трениям и конфликтам, в которых сам и является активной, провоцирующей стороной. Раздражителен, вспыльчив, часто меняет место работы, неуживчив в коллективе. Отмечается низкая контактность в общении, замедленность вербальных и невербальных реакций, тяжеловесность поступков. Для него никакой труд не становится привлекательным, работает лишь по мере необходимости, проявляет такое же нежелание учиться. Равнодушен к будущему, целиком живет настоящим, желая извлечь из него массу развлечений. Повышенная импульсивность или возникающая реакция возбуждения гасятся с трудом и могут быть опасны для окружающих. Он может быть властным, выбирая для общения наиболее слабых.

5. Гипертимический тип (акцентуация — «гипертимическая»). Высокие оценки говорят о постоянном повышенном фоне настроения в сочетании с жаждой деятельности, высокой активностью, предприимчивостью. Людей этого типа отличает большая подвижность, общительность, болтливость, выраженность жестов, мимики, пантомимики, чрезмерная самостоятельность, склонность к озорству, недостаток чувства дистанции в отношениях с другими. Часто спонтанно отклоняются от первоначальной темы в разговоре. Везде вносят много шума, любят компании сверстников, стремятся ими командовать. Они почти всегда имеют очень хорошее настроение, хорошее самочувствие, высокий жизненный тонус, нередко цветущий вид, хороший аппетит, здоровый сон, склонность к кревоугодию и иным радостям жизни. Это люди с повышенной самооценкой, веселые, легкомысленные, поверхностные и вместе с тем деловитые, изобретательные, блестящие собеседники; люди, умеющие развлекать других, энергичные, деятельные, инициативные. Большое стремление к самостоятельности может служить источником конф-

ликов. Им характерны вспышки гнева, раздражения, особенно когда они встречают сильное противодействие, терпят неудачу. Склонны к аморальным поступкам, повышенной раздражительности, прожектерству. Испытывают недостаточно серьезное отношение к своим обязанностям. Они трудно переносят условия жесткой дисциплины, монотонную деятельность, вынужденное одиночество.

6. Дистимический тип (акцентуация — «дистимическая (депрессивная)»). Этот тип является противоположным предыдущему, характеризуется сниженным настроением, фиксацией на мрачных сторонах жизни, идеомоторной заторможенностью. Люди этого типа отличаются серьезностью, даже подавленностью настроения, медлительностью, слабостью волевых усилий. Для них характерны пессимистическое отношение к будущему, заниженная самооценка, а также низкая контактность, немногословность в беседе, даже молчаливость. Такие люди являются домоседами, индивидуалистами; обществу, шумной компании обычно избегают, ведут замкнутый образ жизни. Часто угрюмы, заторможены, склонны фиксироваться на теневых сторонах жизни. Они добросовестны, ценят тех, кто с ними дружит и готовы им подчиниться, располагают обостренным чувством справедливости, а также замедленностью мышления.

7. Тревожно-боязливый тип (акцентуация — «невротическая»). Основная черта — склонность к страхам, повышенная робость и пугливость, высокий уровень тревожности. Людям данного типа свойственны низкая контактность, минорное настроение, робость, пугливость, неуверенность в себе. Дети тревожного типа часто боятся темноты, животных, страшатся оставаться одни. Они сторонятся шумных и бойких сверстников, не любят чрезмерно шумных игр, испытывают чувство робости и застенчивости, тяжело переживают контрольные, экзамены, проверки. Часто стесняются отвечать перед классом. Охотно подчиняются опеке старших, нотации взрослых могут вызвать у них угрызения совести, чувство вины, слезы, отчаяние. У них рано формируется чувство долга, ответственности, высокие моральные и этические требования. Чувство собственной неполноценности стараются замаскировать в самоутверждении через те виды деятельности, где они могут в большей мере раскрыть свои способности. Свойственные им с детства обидчивость, чувствительность, застенчивость мешают сблизиться с теми, с кем хочется, особо слабым звеном является реакция на отношение к ним окружающих. Непереносимость насмешек, подозрения сопровождаются неумением постоять за себя, отстоять правду при несправедливых обвинениях. Редко вступают в конфликты с окружающими, играя в них в основном пассивную роль, в конфликтных ситуациях они ищут поддержки и опоры. Они обладают дружелюбием, самокритичностью, исполнительностью. Вследствие своей беззащитности нередко служат «козлами отпущения», мишенями для шуток.

8. Циклотимический (аффективно-лабильный) тип (акцентуация — «циклотимическая»). Характеризу-

ется сменой гипертимных и дистимных состояний. Им свойственны частые периодические смены настроения, а также зависимость от внешних событий. Радостные события вызывают у них картины гипертимии: жажда деятельности, повышенная говорливость, скачки идей; печальные — подавленность, замедленность реакций и мышления, также часто меняется их манера общения с окружающими людьми. В подростковом возрасте можно обнаружить два варианта циклотимической акцентуации: *типичные* и *лабильные* циклоиды. Типичные циклоиды в детстве обычно производят впечатление гипертимных, но затем проявляется вялость, упадок сил, то, что раньше давалось легко, теперь требует непомерных усилий. Прежде шумные и бойкие, они становятся вялыми домоседами, наблюдается падение аппетита, бессонница или, наоборот, сонливость. На замечания реагируют раздражением, даже грубостью и гневом, в глубине души, однако, впадая при этом в уныние, глубокую депрессию, не исключены суицидальные попытки. Учатся неровно, случившиеся упущения наверстывают с трудом, порождают в себе отвращение к занятиям. У лабильных циклоидов фазы смены настроения обычно короче, чем у типичных циклоидов. «Плохие» дни отмечаются более насыщенными дурным настроением, чем вялостью. В период подъема выражены желания иметь друзей, быть в компании. Настроение влияет на самооценку.

9. Аффективно-экзальтированный тип (акцентуация — «интроетивная»). Лицам этого типа свойственен большой диапазон эмоциональных состояний, они легко приходят в восторг от радостных событий и в полное отчаяние — от печальных. Яркая черта этого типа — способность восторгаться, восхищаться, а также улыбочивость, ощущение счастья, радости, наслаждения. Эти чувства у них могут часто возникать по причине, которая у других не вызывает большого подъема, они легко приходят в восторг от радостных событий и в полное отчаяние — от печальных. Им свойственна высокая контактность, словоохотливость, влюбчивость. Такие люди часто спорят, но не доводят дело до открытых конфликтов. В конфликтных ситуациях они бывают как активной, так и пассивной стороной. Они привязаны к друзьям и близким, альтруистичны, имеют чувство сострадания, хороший вкус, проявляют яркость и искренность чувств. Могут быть паникерами, подвержены сиюминутным настроениям, порывисты, легко переходят от состояния восторга к состоянию печали, обладают лабильностью психики.

10. Эмотивный тип (акцентуация — «эмоцентрическая»). Это чувствительные и впечатлительные люди, отличаются глубиной переживаний в области тонких эмоций в духовной жизни человека. Этот тип родственен экзальтированному, но проявления его не столь бурны. Для них характерны эмоциональность, чувствительность, тревожность, болтливость, боязливость, глубокие реакции в области чувств. Наиболее сильно выраженная черта — гуманность, сопереживание другим людям или животным, от-

звичивость, мягкосердечность, сорадование чужим успехам. Они впечатлительны, слезливы, любые жизненные события воспринимают серьезнее, чем другие люди. Подростки остро реагируют на сцены из фильмов, где кому-либо угрожает опасность, сцена насилия может вызвать у них сильное потрясение, которое долго не забудется и может нарушить сон. Редко вступают в конфликты, обиды носят в себе, не «выплескиваются» наружу. Им свойственно обостренное чувство долга, исполнительность. Бережно относятся к природе, любят выращивать растения, ухаживать за животными.

Классификация акцентуаций характера по А.Е. Личко.

Гипертимный тип. Главная черта гипертимных людей — почти всегда очень хорошее, приподнятое настроение. Лишь изредка и ненадолго эта «солнечность» омрачается вспышками раздражения, гнева, агрессии. В силу этого с родителями, педагогами, воспитателями легко возникают конфликты. К ним ведут мелочный контроль, повседневная опека, наставления и нравоучения, «проработка» в семье и на публичных собраниях. Все это обычно вызывает только усиление «борьбы за самостоятельность», непослушание, нарочное нарушение правил и порядков. Как правило, обнаруживается склонность к самовольным отлучкам, иногда продолжительным.

Неудержимый интерес ко всему вокруг делает гипертимных людей очень коммуникабельными, неизбирательными в общении. Контакт со случайными встречными не представляет для них проблемы. Устремляясь туда, где «кипит жизнь», они порой могут оказаться в неблагоприятной среде, попасть в асоциальную группу. Всюду они быстро осваиваются, перенимают манеры, обычаи, поведение, одежду, модные «хобби». Всегда хорошее настроение и высокий жизненный тонус создают благоприятные условия для переоценки своих способностей и возможностей. Избыточная уверенность в своих силах побуждает их «показать себя», предстать перед окружающими в выгодном свете, прихвастнуть. Лживость не является их характерной чертой, она может быть обусловлена необходимостью извернуться в трудной ситуации.

Циклоидный тип. Поведенческие реакции у циклоидов, как типичных, так и лабильных, обычно выражены умеренно. Эмансипационные устремления и реакции группирования со сверстниками усиливаются в период подъема. Увлечения отличаются нестойкостью — в субдепрессивные периоды их забрасывают, в период подъема находят новые или возвращаются к прежним, заброшенным. Выраженные нарушения поведения (делинквентность, знакомство с наркотиками) мало свойственны циклоидам. К алкоголизации в компаниях они обнаруживают склонность на фазе подъема. Суицидальное поведение в виде аффективных (но не демонстративных) попыток или истинных покушений возможно в субдепрессивной фазе.

Лабильный тип. Главная черта лабильного типа — крайняя изменчивость настроения. Кем-то нелестно

сказанное слово, неприветливый взгляд случайного собеседника, нехстати пошедший дождь, оторвавшаяся от костюма пуговица способны погрузить в унылое и мрачное расположение духа при отсутствии каких-либо серьезных неприятностей и неудач. В то же время какая-нибудь приятная беседа, интересная новость, мимолетный комплимент, удачно к случаю одетый костюм, услышанные от кого-либо, хотя и малореальные, но заманчивые перспективы могут поднять настроение, даже отвлечь от действительных неприятностей, пока они снова не напомнят чем-либо о себе.

Лабильные люди весьма чутки ко всякого рода знакам внимания, благодарности, похвалам и поощрениям — все это доставляет им искреннюю радость, но вовсе не побуждает к заносчивости или самомнению. Порицания, осуждения, выговоры, нотации глубоко переживаются и способны вторгнуться в беспроблемное уныние. Действительные неприятности, утраты, несчастья лабильные люди переносят чрезвычайно тяжело, обнаруживая склонность к реактивным депрессиям, тяжелым невротическим срывам.

Астено-невротический тип. Главными чертами астено-невротической акцентуации являются повышенная утомляемость, раздражительность. Утомляемость особенно проявляется в умственных занятиях. Умеренные физические нагрузки переносятся лучше, однако физические напряжения, например обстановка спортивных соревнований, оказываются невыносимыми. Раздражение, нередко по ничтожному поводу, легко изливается на окружающих, порой случайно попавших под горячую руку, и столь же легко сменяется раскаянием и даже слезами. Склонность к ипохондризации является особенно типичной чертой. Такие люди внимательно прислушиваются к своим телесным ощущениям, крайне подвержены ятрогении, охотно лечатся, укладываются в постель, подвергаются осмотрам. Наиболее частым источником ипохондрических переживаний, особенно у мальчиков, становится сердце.

Делинквентность, побеги из дому, алкоголизация и другие нарушения поведения подросткам астено-невротического типа не свойственны. Стремление к эмансипации или тяга к группированию со сверстниками, не получая прямого выражения в силу астеничности, утомляемости и т.п., могут исподволь подогревать маломотивированные вспышки раздражения в отношении родителей, воспитателей, старших вообще, побуждать к обвинению родителей в том, что их здоровью уделяется мало внимания, или же порождать глухую неприязнь к сверстникам, у которых специфически подростковые поведенческие реакции выражаются прямо и открыто. К сверстникам тянутся, скушают без их компании, но быстро от них устают и ищут отдыха, одиночества или общества с близким другом.

Сенситивный тип. Реакция эмансипации у сенситивных людей бывает выражена довольно слабо. Рано формируется чувство долга, ответственности, высоких моральных и этических требований и к окружающим, и к самому себе. Сверстники ужасают

грубостью, жестокостью, циничностью. В себе же видится множество недостатков, особенно в области качеств морально-этических и волевых. Сенситивные люди разборчивы в выборе приятелей, предпочитают близкого друга большой компании, очень привязчивы в дружбе. Некоторые из них любят иметь более старших по возрасту друзей.

Психастенический тип. Главными чертами психастенического типа в подростковом возрасте являются нерешительность и склонность к рассуждательству, тревожная мнительность и любовь к самоанализу и, наконец, легкость образования obsesий — навязчивых страхов, опасений, действий, ритуалов, мыслей, представлений.

Нерешительность и рассуждательство у психастенических людей идут рука об руку. Такие люди бывают сильны на словах, но не в действиях. Всякий самостоятельный выбор, как бы малозначим он ни был (например, какой фильм пойти посмотреть в воскресенье) — может стать предметом долгих и мучительных колебаний. Однако уже принятое решение должно быть немедленно исполнено. Ждать психастеники не умеют, проявляя удивительное нетерпение. У психастенических людей нередко приходится видеть реакцию гиперкомпенсации в отношении своей нерешительности и склонности к сомнениям. Эта реакция проявляется у них самоуверенными и безапелляционными суждениями, утрированной решительностью и скоропалительностью действий в моменты, когда требуется неторопливая осмотрительность и осторожность. Постигающие вследствие этого неудачи еще более усиливают нерешительность и сомнения.

Шизоидный тип. Наиболее существенной чертой данного типа считается замкнутость, отгороженность от окружающего, неспособность или нежелание устанавливать контакты, снижение потребности в общении.

С наступлением полового созревания все черты характера выступают с особой яркостью. Замкнутость, отгороженность от сверстников бросаются в глаза. К дефициту интуиции следует добавить тесно с ним связанный недостаток сопереживания — неумение разделять радость и печаль другого, понять обиду, прочувствовать чужое волнение и беспокойство. Их поступки могут быть жестокими, что, скорее, связано с неспособностью вчувствоваться в страдания других. К гамме шизоидных особенностей можно добавить неумение убеждать своими словами других.

Внутренний мир почти всегда закрыт от посторонних взоров. Лишь перед немногими избранными занавес может внезапно приподняться, но никогда не до конца, и столь же неожиданно вновь упасть. Недоступность внутреннего мира и сдержанность в проявлении чувств делают непонятными и неожиданными для окружения многие поступки шизоидов, ибо все, что им предшествовало — весь ход переживаний и мотивов — осталось скрытым.

Эпилептоидный тип. Главными чертами эпилептоидного типа являются склонность к дисфориям и тесно связанная с ними аффективная взрывча-

тость, напряженное состояние инстинктивной сферы, иногда достигающее аномалии влечение, а также вязкость, тугоподвижность, тяжеловесность, инертность. Дисфории, длящиеся часами и днями, отличают злобно-тоскливая окраска настроения, накипающее раздражение, поиск объекта, на котором можно сорвать зло.

Истероидный тип. Его главная черта — беспредельный эгоцентризм, ненасытная жажда постоянного внимания к своей особе, восхищения, удивления, почитания, сочувствия. На худой конец предпочитается даже негодование или ненависть, направленные в свой адрес, но только не безразличие и равнодушие — только не перспектива остаться незамеченным. Лживость и фантазирование целиком направлены на приукрашивание своей персоны. Кажущаяся эмоциональность в действительности оборачивается отсутствием глубоких искренних чувств при большой экспрессии эмоций, театральности, склонности к рисовке и позерству. Желание привлечь к себе взоры, слушать восторги и похвалы становится насущной потребностью. Они охотно перед зрителями читают стихи, танцуют, поют, и многие из них действительно обнаруживают неплохие артистические способности. Успехи в учебе в первых классах во многом определяются тем, ставят ли их в пример другим.

Среди поведенческих проявлений у истероидных людей на первое место следует поставить суицидальность. Речь идет о несерьезных попытках, демонстрациях, «псевдосуицидах», «суицидальном шантаже».

Алкоголизация или употребление наркотиков у истероидных людей также иногда носит демонстративный характер.

Неустойчивый тип. Их безволие отчетливо выступает, когда дело касается учебы, труда, исполнения обязанностей и долга, достижения целей, которые ставят перед ними родные, старшие, общество. Однако в поиске развлечений представители этого типа также не обнаруживают напористости, а скорее плывут по течению.

Их увлечения целиком ограничиваются информативно-коммуникативным типом хобби да азартными играми. К спорту они испытывают отвращение. Учеба легко забрасывается. Никакой труд не становится привлекательным. Работают они только в силу крайней необходимости. Поражает их равнодушие к своему будущему, они не строят планов, не мечтают о какой-либо профессии или о каком-либо положении для себя. Они целиком живут настоящим, желая извлечь из него максимум развлечений и удовольствий. Трудности, испытания, неприятности, угроза наказаний — все это вызывает одинаковую реакцию — убежать подальше.

Конформный тип. К. Леонгард назвал некоторые черты этого типа — постоянную готовность подчиняться голосу большинства, шаблонность, банальность, склонность к ходячей морали, благонаравие, консерватизму, однако он неудачно связал данный тип с низким интеллектом. В действительности дело

вовсе не в интеллектуальном уровне. Подобные субъекты нередко хорошо учатся, получают высшее образование, при определенных условиях с успехом работают.

Представители конформного типа — это люди своей среды. Их главное качество, главное жизненное правило — думать «как все», поступать «как все», стараться, чтобы все у них было «как у всех» — от одежды и домашней обстановки до мировоззрения и суждений по животрепещущим вопросам. Под «всеми» подразумевается обычно непосредственное окружение. От него они не хотят ни в чем отстать, но и не любят выделяться, забегать вперед. В жизни они любят руководствоваться сентенциями и в трудных ситуациях склонны в них искать утешение («утраченного не воротишь» и т.п.). Стремясь всегда быть в соответствии со своим окружением, они совершенно не могут ему противостоять.

Ко всему этому конформные субъекты — консерваторы по натуре. Они не любят новое, потому что не могут к нему быстро приспособиться, трудно осваиваются в новой ситуации.

От еще одного качества зависит их профессиональный успех. Они инициативны. Очень хорошие результаты могут достигаться на любой ступени социальной лестницы, лишь бы работа, занимаемая должность не требовали постоянной личной инициативы. Если именно этого от них требует ситуация, они дают срыв на любой, самой незначительной должности, выдерживая гораздо более высококвалифицированную и даже напряженную работу, если она четко регламентирована.

Смешанные типы. Эти типы составляют почти половину случаев явных акцентуаций. Их особенности нетрудно представить на основании предыдущих описаний. Встречающиеся сочетания не случайны. Они подчиняются определенным закономерностям. Черты одних типов сочетаются друг с другом довольно часто, а других — практически никогда. Существуют два рода сочетаний.

Промежуточные типы обусловлены эндогенными закономерностями, прежде всего генетическими

факторами, к ним относятся уже описанные лабильно-циклоидный и конформно-гипертимный типы, а также сочетания лабильного типа с астено-невротическим и сенситивным, астено-невротического с сенситивным и психастеническим. Сюда же могут быть отнесены такие промежуточные типы, как шизоидно-сенситивный, шизоидно-психастенический, шизоидно-эпилептоидный, шизоидно-истероидный, истероидно-эпилептоидный. В силу же эндогенных закономерностей возможна трансформация гипертимного типа в циклоидный.

Амальгамные типы — это тоже смешанные типы, но иного рода. Они формируются как следствие напластования черт одного типа на эндогенное ядро другого в силу неправильного воспитания или иных хронически действующих психогенных факторов. Здесь также возможны далеко не все, а лишь некоторые наслоения одного типа на другой. Подробнее эти явления рассматриваются в главе о психопатических развитиях. Здесь же следует отметить, что гипертимно-неустойчивый и гипертимно-истероидный типы представляют собой присоединение неустойчивых или истероидных черт к гипертимной основе. Лабильно-истероидный тип обычно бывает следствием наслоения и истероидности на эмоциональную лабильность, а шизоидно-неустойчивый и эпилептоидно-неустойчивый — неустойчивости на шизоидную или эпилептоидную основу. Последнее сочетание отличается повышенной криминогенной опасностью. При истероидно-неустойчивом типе неустойчивость является лишь формой выражения истероидных черт. Конформно-неустойчивый тип возникает как следствие воспитания конформного подростка в асоциальном окружении. Развитие эпилептоидных черт на основе конформности возможно, когда подросток вырастает в условиях жестких взаимоотношений. Другие сочетания практически не встречаются.

Таким образом, в научной литературе понятие «акцентуация характера» достаточно хорошо изучено и дано подробное описание типов акцентуаций, что позволяет нам без особого труда их определять в повседневной жизни.